

ПАВЕЛ
АСТАХОВ

СЕТЬ

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Адвокат Артем Павлов

Павел Астахов

Сеть

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Астахов П. А.

Сеть / П. А. Астахов — «Эксмо», 2017 — (Адвокат Артем Павлов)

ISBN 978-5-699-98527-2

Адвокат Артем Павлов случайно спасает молодую женщину Карину, у которой недавно погибла юная дочь. Полиция не усмотрела в случившемся признаков преступления. Однако Павлову не дает покоя странное поведение девочки перед смертью и ее чудовищная переписка в закрытой группе, символ которой – выбросившийся на берег синий кит... Ему удастся проникнуть в самое сердце виртуальной «группы смерти» и выйти на тех, для кого самоубийство подростков стало чудовищным хобби и садистским развлечением... Берегите своих детей! – таков главный вывод романа. Они очень нуждаются в нашей родительской заботе и поддержке.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98527-2

© Астахов П. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Не струсил	6
Мост	14
Полоса	20
Визит	29
Знакомство	35
Счетчик	41
Чай с чабрецом	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Павел Астахов

Сеть

Павел Астахов – человек эпохи Возрождения, которая только-только наступает в нашей стране. Искренне веря в Светлое Будущее, он опередил свое время и в любом деле всегда добивался наилучших результатов. С отличием отслужил на границе. Успешно окончил Высшую школу госбезопасности. Позже стал самым известным адвокатом России, выигравшим сотни дел. На телевизионной ниве создал и лично вел 9 программ. В качестве представителя Президента России по правам детей создал уникальную систему защиты прав ребенка, что помогло спасти жизнь и сохранить благополучие миллионам детей. Является соавтором более 30 законопроектов в сфере защиты детей. При его непосредственном участии заложена фундаментальная основа новой Реальности в России – без детских домов, брошенных детей и сирот. Благодаря этим мерам число детей-сирот в детдомах уменьшилось в три раза, число брошенных младенцев снизилось до исторического минимума, число детдомов сократилось в два раза, а число усыновленных и принятых в семью сирот стало неуклонно расти.

С 2000 года издал более 60 книг юридической тематики, а также 12 художественных романов, где рассказал о самых интересных и важных событиях, многие из которых подтвердили все его предсказания. 4 романа переведены и изданы за рубежом. Занимаясь с 2002 года преподавательской и научной деятельностью, был избран почетным профессором и доктором наук восьми российских университетов.

Он верит в Справедливость и работает судебным адвокатом, каждый день выходя на сражение с несправедливостью, беззаконием, коррупцией. Не жалея сил, занимается правовым просвещением и помогает тем, кто попал в беду. Павел Алексеевич часто выступает с публичными лекциями на тему прогнозирования Будущего, безопасности бизнеса и правовой защищенности граждан.

Сегодня Павел Астахов – востребованный адвокат, популярный телеведущий и писатель, уважаемый педагог и наставник.

Каждый его новый роман – это заметное событие в литературе и культурной жизни общества.

Издательство «Эксмо»

Стремительно разрастающаяся социальная Сеть затягивается роковым узлом вокруг жизни подростков, попавших в «зону отчуждения». Пока политики и социологи ломают копы и спорят до истощения по поводу так называемой «эпидемии суицидов», дети продолжают оставаться легкой добычей для страшных дельцов, планомерно уничтожающих самых незащищенных. Непонимание, ссоры, обиды, отчуждение – первые признаки начинающейся роковой подростковой болезни, не заметив которую вы рискуете потерять самого дорогого человека.

Совсем еще юные, неопытные, безгрешные девочки и мальчики, целенаправленно подталкиваемые умелыми манипуляторами, сводят счеты с жизнью.

Новое веяние времени – закрытые группы в Сети – с профессиональной методичностью обрабатывают нежные души, убеждая их в том, что у них есть лишь единственный путь к счастью.

Выявить манипуляторов, ломающих детскую психику, чрезвычайно трудно. Они – призраки, которые прячут лица за безобидными аватарками, меняют свои ники, неуловимы и вездесущи.

Павел Астахов

Не струсила

*Таков закон безжалостной игры.
Не люди умирают, а миры.*

Е. Евтушенко

Нарастающий монотонный звон будильника разорвал в клочья остатки сна и вырвал Сашу из лап Морфея. Девушка села в постели и легонько вlepила затрещину своему неразлучному электронному часовому. Телефонный будильник обиженно всхлипнул и замолчал. Александра убрала с лица прядь волос, заведя ее за ухо, после чего посмотрела в окно. Хмурое, неприветливое утро лениво перерастало в пасмурный день.

«Можно подумать, в такой день погода должна быть другой», – фыркнула про себя девочка, потянувшись к телефону, который решил продолжить издевательство над хозяйкой и вновь завел свою электронную какофонию.

Саша поймала себя на мысли, что до сегодняшнего утра эта незатейливая мелодия практически всегда вызывала у нее непреодолимое желание зарыться в одеяло с головой и вновь окунуться в сладкий сон, нежели вскочить с кровати и как можно скорее приступить к ритуальным утренним процедурам – ванна-туалет-чай и прочая рутинная дребедень.

Да, так было всегда. Но не сегодня. Будильник, собственно, не особенно-то и был нужен на этот раз.

Саша почти не спала эту ночь. И будильник на 5.15 поставила скорее по инерции, для того чтобы в предрасветное утро, когда набухшие свинцовой влагой тучи полностью заполнили сонное небо, она услышала донельзя знакомые звуки пробуждающего от сна смартфона, по которому привыкла просыпаться в школу... Эту ночь она беспокойно ворочалась в своей постели, изредка погружаясь в тонкую пленку дремы (настолько тонкую, что мозг школьницы даже в эти минуты продолжал напряженно работать), и тут же выныривала наружу, прерывисто дыша и слушая колотящийся стук собственного сердца. И лишь незадолго до утренней трели телефонного часового она погрузилась в спокойный глубокий сон. Как выяснилось, ненадолго...

Она вздрогнула, услышав, как мурлыкнул телефон, принимая входящее сообщение.

«Ты знаешь, что это значит. Время», – шепнул внутренний голос.

Да, время. Конечно, она ведь была готова к этому.

У нее застучало в висках.

«А вдруг...»

В сознании школьницы неожиданно вспыхнул образ Миши. Может быть, это сообщение от него?!

Затаив дыхание, Саша взяла в руки смартфон, не замечая, как подрагивают ее пальцы. Однако ее робкая надежда оказалась напрасной, и девочка с едва слышным вздохом отложила гаджет. Сообщение было не от Миши. Там всего лишь было указано время. То самое ВРЕМЯ!

«Без тебя знаю», – угрюмо подумала она, скользнув взглядом по настенным часам.

– А что ты ожидала? – вслух сказала она, обращаясь к самой себе. – Ты ведь сама этого хотела. Теперь уже ничего не изменишь. Ничего...

«Он уже наверняка нашел себе подходящую замену. Например, Риту из параллельного «Б» – она давно на него облизывается...» – заговорил в ней внутренний голос, и Саша почувствовала, как ее глаза внезапно зачесались и что-то нестерпимо начало пощипывать, словно

кто-то невидимый бросил в нее песок. Шмыгнув носом, девочка усилием воли заставила себя сдерживать слезы.

Нужно умыться. Хоть немного привести себя в порядок.

«А надо ли?» – скрипнул все тот же голос, и Саша медленно повернула голову в сторону ноутбука. Ей стоило громадных усилий не откинуть привычным движением крышку, чтобы... чтобы что? Что?!

– Чтобы увидеть, как все уже почти закончилось, – глухо ответила сама себе она на этот странный роковой вопрос.

Девочка протянула руку к переносному компьютеру, но тут же отдернула ее назад, словно крышка со знакомым всему миру логотипом огрызка превратилась в шипящую кобру.

Нет. В Сеть залезать сейчас смысла нет, и так все ясно. С ней и ее жизнью, точно.

Все, что сейчас имеет значение, – время. И уже не часы, а минуты и даже секунды как драгоценные капельки утренней росы для мучимого жаждой путника...

А вот умыться все же следует. Иначе как ее, такую невытую-нечесаную, будут рассматривать и изучать...

Вздыхнув, она опустила ноги, машинально сунув ступни в пушистые тапочки, и, взъерошив свои густые рыжие волосы, поплелась в ванную. Четырнадцатилетняя девочка ощущала себя дряхлой, умирающей старухой, размытой тенью, сотканной из пыльных воспоминаний.

В коридоре Сашу с радостным визгом встретил ее любимец – эрдельтерьер Тим. Он беззаботно и весело мотал кудрявой теплой мордочкой и лез обниматься и играть. Ведь так было всегда.

На губах девочки появилась грустная улыбка. Она присела на корточки, поглаживая лохматую морду пса. Ей вдруг пришло в голову, что раньше она испытывала гордость из-за того, что цвет ее волос удивительным образом гармонировал с окрасом ее питомца. Сейчас все чувства поблекли и выцвели, как краски на старой картине.

– Привет, Тим, – прошептала девочка. – Только тихо, ладно? Маму будить не будем. Не надо!

Тим встряхнулся, всем своим видом демонстрируя, что ни в коем случае не подведет хозяйку. И пока из ванной комнаты слышались звуки льющейся воды, эрдельтерьер послушно сидел у двери, словно застывший сфинкс.

Закончив умываться, Саша пристально посмотрела в собственное отражение. Обычно она избегала рассматривать себя в зеркало, но почему-то сегодня она почувствовала, что просто обязана разглядеть все детали. Лицо вытянутое, подбородок слишком массивный для юной школьницы, на лбу и щеках краснела россыпь ненавистных прыщей, которые упорно не желали исчезать, хотя Саша перепробовала миллион средств, которые якобы гарантировали стопроцентный результат...

И если прежде после утреннего умывания Саша мимоходом бросала на свое отражение короткий резюмирующий взгляд, то сейчас, сглатывая застрявший в глотке комок, внимательно изучая собственное лицо, она испытывала какое-то странное, неизъяснимое злорадство. Она вглядывалась в каждую складочку кожи, каждую родинку, каждый волосок, едва различимый взором.

«Я – уродина!» – безжалостно отчеканило подростковое сознание.

Да. Это так.

– И я останусь такой навсегда. Навечно! – прошептала Саша, отстраняясь от зеркала. Привычным движением девочка завязала волосы в хвост, продолжая тихо ругать себя. – Я уродина. Кривая швабра. И я ею останусь, старой, кривой шваброй. Которой даже туалет противно мыть.

С ее губ сорвался вздох.

«Может, принять душ?»

Поразмыслив, девочка отказалась от этой затеи. Времени и так в обрез, а еще придется сушить волосы. Нет, не сегодня. То есть теперь уже никогда.

Она осторожно провела указательным пальцем по щетинкам своей зубной щетки, все еще влажным от недавней чистки зубов. Эта розовая, смешная зубная щетка показалась Саше такой родной и вместе с тем настолько беззащитно-трогательной, что у нее защемило сердце. Набежали и брызнули теплые родные предатели – слезы...

«Все. Возьми себя в руки, – мысленно приказала она сама себе. – Перестань быть размазней».

Саша решительно размазала стиснутыми кулаками слезинки и вышла из ванной. Верный Тим миролюбиво завилял хвостом, приглашая хозяйку поиграть.

– Мне нужно уйти, – тихо сказала девочка. – Понял?

Однако, судя по всему, Тим не считал, что это хорошая идея, и, видя, что хозяйка начинает одеваться, вовсе не намереваясь брать его с собой, тихонько заскулил.

За дверьми спальни послышался шорох, и Саша недовольно скривила губы. Раннее пробуждение мамы не входило в ее планы.

– Привет, доча, – сипловатым со сна голосом произнесла женщина, выйдя в коридор. Она зевнула, прикрыв рот тыльной стороной ладони. – Ты куда в такую рань?

Взгляд школьницы опустился на эрдельтерьера.

– Не спалось что-то, – неохотно отозвалась она. – Пойду с Тимом погуляю.

Мама пожала плечами.

– Странные вы... В выходные тебя не добудишься, а тут с первыми петухами. Да еще в каникулы.

– Я пойду, ма, – сказала Саша, и в голосе девочки проскользнули нотки нетерпения.

– Да иди, иди! – не стала возражать мама, глядя, как ее дочь торопливо цепляет ошейник на лохматую шею пса. Норовя лизнуть в лицо Сашу, Тим радостно топтался на месте, предвкушая прогулку на свежем воздухе. Его мечты, кажется, сбывались!

Обувшись в кроссовки, девочка обернулась, внезапно столкнувшись взглядом с матерью.

– Может, чай попьем? – нерешительно предложила мама. – Я быстро сделаю.

– Нет, спасибо, – сухо отказалась Саша и отвернулась, чтоб не выдать себя.

– Ты... – произнесла женщина, чувствуя странное смущение. – Только не долго, Саночка. Ладно? И... и не обижайся на меня за вчерашнее. Я с подругой засиделась, давно не виделись... ну понимаешь... Ладно?

– Все нормально, ма, – улыбнулась Саша. И тут материнское сердце забило тревогу. Неосознанную, совсем непредвиденную и непонятную. Повинуясь сигналам из глубины сознания, она хваталась взглядом за дочь и вдруг поймала себя на мысли, что у ее дочери как-то странно улыбался только рот, даже не улыбался, а скорее кривился. Казалось, уголки губ, словно безжизненные, резинки просто оттянули в стороны. Лицо Саши, несмотря на явные следы утреннего туалета, было похоже на серый измятый лист бумаги.

В какую-то долю секунды она потянулась к дочери, чтобы поцеловать ее, и не дотянулась... что-то удержало женщину на месте. Вместо тревоги навалилась вина. Материнская вина, вечная как мир.

Наверное, сейчас лезть с поцелуями преждевременно. Ведь явно видно, что Сашка не очень-то довольна ее поведением в последнее время. Да и вчерашний вечер, когда она пришла за полночь... Но так уж получилось. Когда ее муж переехал жить к другой женщине, оставив ее и дочь, она нередко находила утешение в обществе подруг и вечерами бросала Сашу одну, больше заботясь об утолении своего женского горя, чем о тоскующей по отцу и по ней дочери.

– Ну, я вас жду, – прогоняя сразу весь букет тревожно-горестных переживаний, нарочито строго сказала женщина. – Постарайся недолго – видишь, как небо затянуло! Пока гуляете, я омлет сделаю.

Саша молча кивнула. Ее взгляд уткнулся в притулившийся среди разбросанной обуви рюкзак, на бегунке «молнии» которого висел брелок в виде потешного зайчонка. Ни слова не говоря, девочка отцепила побрякушку, и они вместе с собакой скрылись за дверью.

Мать задумалась и покачала головой.

Пожалуй, нужно будет поговорить с дочерью. Саше сейчас несладко, вон вообще от всего отгородилась, сутками напролет в своем Интернете просиживает. Однажды, воспользовавшись тем, что дочь принимает душ, она украдкой открыла Сашин ноутбук, но, к ее разочарованию, вход в систему был заблокирован, а пароля она не знала.

«Я веду себя как эгоистка, – пронеслась у матери мысль, – которая не доверяет родному ребенку».

Она прошла в кухню, привычно набрала в чайник воды, вернула его на цоколь, нажав на кнопку. Раздалось тихое мерное ворчание нагревающейся воды.

Женщина подошла к окну, рассеянным взглядом осмотрела двор. Он был пустынным и каким-то бесцветным, словно пасмурное небо высосало из него все краски.

«И чего Сашка вскочила ни свет ни заря», – снова подумала она растерянно. Эта неожиданная ранняя встреча с дочкой почему-то вызвала необъяснимую тревогу, досаду и даже боль в ее материнском сердце.

Когда за спиной раздался щелчок, свидетельствующий о том, что вода в чайнике вскипела, она резко обернулась.

В это же мгновение за окном с неба упали первые капли дождя, иссекая стекло косыми серебристыми стрелками.

Саша вышла из подъезда и быстрым шагом направилась за дом. Тим послушно семенил следом, преданно глядя в спину хозяйки. Остановившись возле газонной ограды, выкрашенной в традиционный зеленый цвет, девочка обернулась и наклонилась к псу.

– Извини, Тим, – стараясь не глядеть в его глаза, проговорила она. – Я... мне нужно уйти по делам. Поиграй здесь. Мама потом заберет тебя.

Пес лизнул ей руку, обиженно твякнув. В его больших прозрачных глазах светилось недоумение: «Как же так, хозяйка?! Ведь ты сама обещала погулять со мной?!»

Резко и решительно выпрямившись, Саша устремилась прочь по асфальтированной дорожке, которая быстро темнела от морозящего дождя.

Тим рванулся за ней, и она, заметив это, остановилась.

– Ты намокнешь, – сказала она с легким раздражением. – Иди к подъезду.

Пес завилял хвостом, заглядывая ей в глаза, но его юная хозяйка почему-то отвернулась.

– Ну, тогда как хочешь, – буркнула она, снова продолжив движение. Возиться с собакой времени не было, и Саша решила, что просто не будет обращать внимание на преданного Тима.

«Я сильная! Я самая сильная! Я очень-очень сильная!» – стучало в висках.

– Да, – беззвучно шевельнулись ее губы.

Холодные капли падали на ее плечи, волосы и лицо, но едва ли она обращала на это внимание.

Собственно говоря, это уже не имело никакого значения.

По дороге ей повстречался сосед с верхнего этажа, пожилой мужчина с бульдогом. Он громко поздоровался с Сашей, но девочка лишь скользнула сквозь него безучастным взглядом, пройдя мимо. Бульдог что-то хрипло буркнул, натянув поводок, но даже малыш Тим не удосужил собаку своим вниманием.

Что-то неладное происходило с его любимой хозяйкой, и тревога за нее вытесняла у пса все остальные чувства.

Чуть позже этот случайно повстречавшийся Саше мужчина будет рассказывать, что соседская девочка выглядела странно и вела себя так, словно все делала во сне. Это он вспомнит. Гораздо позже. Когда уже все будет бесполезно и бессмысленно...

Дождь постепенно набирал силу, и Саша прибавила шаг.

– Только бы не опоздать, – пробормотала она, взглянув на время, высветившееся на экране смарт-фона.

5.40.

Нормально. Она успеет.

Через десять минут Саша стояла возле высокого забора с давно облезшей краской. Осторожно пробираясь сквозь строительный мусор и торчащие арматурины, она оказалась у высокого дерева, ствол которого почти вплотную прилегал к забору.

Упрямо сопровождавший ее Тим с недоумением смотрел, как она карабкалась вверх. Перекинув ноги на другую сторону забора, Саша бросила на собаку тусклый, ничего не выражающий прощальный взгляд. Грустно пробормотала:

– Иди домой, Тим.

И прыгнула вниз.

Словно ожидая что-то ужасное, Тим заскулил, заметался из стороны в сторону. Куда же она подевалась?! Почему они не пошли гулять в парк, к пруду, как обычно? Зачем его хозяйке понадобилось идти в это странное, пустынное место?

Оказавшись внутри, Саша быстрым шагом направилась к недостроенной девятиэтажке. По мере приближения к темнеющему зеву подъезда она чувствовала, как холод постепенно сковывал ее тело, превращая кровь в ледяные сосульки. Пальцы школьницы с силой сжали крошечного зайчонка, ощутив прохладу хромированного карабина, к которому крепился брелок.

Брелок, который подарил ей Миша.

Двери в подъезд, по понятным причинам, не было, и Саша, помедлив мгновение, начала подниматься вверх. Под подошвами белых кроссовок шуршали обрывки газет, рваного полиэтилена, изредка хрустели осколки стекла.

Сквозь вязкие сумерки взгляд девочки выхватывал надписи, которыми были испещрены стены заброшенного дома.

«Нина, я тебя люблю!»

«Россия – русским!»

«Витя – гомик»

Она вытерла влажный лоб. Сморщила нос – пахло мочой и чем-то горелым.

Передохнув несколько секунд, девочка продолжила восхождение.

– Все... будет... хорошо, – вымученно улыбнувшись, произнесла она.

Оставался последний этаж, и Саша вдруг остановилась, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Совершенно случайно она заметила на полу надпись. Белые ровные буквы, как если бы их выводили по трафарету.

«Не бойся. Ты сильная».

Саша глубоко вздохнула. Затем спохватилась, будто вспомнив о чем-то важном, и поднесла к глазам брелок. Зайчишка тихонько покачивался перед бледным застывшим лицом школьницы, подняв в приветствии правую лапку.

Привет, Саша.

– Привет, заяц, – шмыгнула носом девочка.

Сзади послышался шорох, и она испуганно обернулась. Это уже была явно не крыса. Сашу затрясло. Она действительно испугалась, заметив в лестничном пролете мелькнувшую тень.

Кто там? Бродяга, пытающийся найти укрытие от дождя в этом мертвом здании? Или бродячее животное вроде кошки или собаки?

Несколько секунд школьница, затаив дыхание, стояла в полном безмолвии, но никаких посторонних звуков до ее слуха больше не доносилось.

Мыслями Саша вновь вернулась к бывшему парню. Непослушными руками она вытащила из кармана смартфон и, выбрав из списка заветный номер, глубоко вздохнула.

«Может, не стоит? – осведомился внутренний голос. – Он все равно уже давно забыл тебя. Оставь все как есть и иди к своей цели».

Помедлив, Саша все же нажала на вызов и прислонила смартфон к уху. Разочарованно выдохнула, услышав механически-равнодушное «В настоящее время вызываемый вами абонент недоступен...» Набрала еще раз. А вдруг?..

– Ну, пусть получится... – шепнула она.

«...вызываемый вами абонент...»

Уголки глаз наполнились слезами.

Зайчонок на брелке лениво покачивался, равнодушно взирая на тщетные попытки школьницы дозвониться до того, кто заставлял о себе думать, страдать и плакать.

После пятой попытки Саша поняла, что начинает сходить с ума.

– Он занес меня в черный список, – дрогнувшим голосом произнесла она. По щеке скатилась слеза, упав на загаженный пол, и девочка посмотрела вниз.

«Не бойся. Ты сильная».

Под надписью виднелся небрежно нарисованный силуэт какой-то рыбы, напоминающий то ли дельфина, то ли кита.

– Я сильная! – неожиданно крикнула она. Тонкий, срывающийся голос подростка вибрирующим эхом прокатился по пустым этажам заброшенного дома.

– Я сильная! – с ожесточением повторила Саша. – Мне никто не нужен! Пошли вы все!..

Бледное лицо девочки исказила гримаса, делая его трагически несчастным и одновременно бессильно болезненным. Вновь взглянув на брелок, она с яростью швырнула его вниз, и он, подсакивая на ступеньках, покатился в мрачную бездну лестничного пролета.

Медленно переставляя ноги и вздыхая, Саша побрела вверх по лестнице. Туда, где ее ждало освобождение. Она ощущала себя измученной жизнью, людьми и судьбой старухой и мечтала только об одном – побыстрее закончить начатое необычное и пугающее ее предприятие.

Дождь лил уже во всю силу, выплавляя на бетонных плитах грозди пузырей. Сделав еще несколько шагов, Саша замерла, расширенными глазами глядя на предмет, лежащий прямо перед ней.

* * *

Как только школьница оказалась на крыше, лестница вдруг ожила. Почудившийся ей шорох возобновился и, нарастая, превратился в плотную густую тень. Взираясь крадучись по ступенькам, тень материализовалась в крепкого широкоплечего человека в длинной куртке. Его голову и лицо скрывал наброшенный капюшон.

Саша моргнула, пытаясь убедить себя в том, что лежащий перед ней предмет не является плодом ее воображения.

«Это правда, – хихикнул в ее мозгу чей-то незнакомый голос. – Как будто ты не знала... А в чем проблема? Ты же сильная!»

Девочка закрыла глаза и тут же вновь их открыла, не веря своей страшной находке.

В двух шагах от нее, на бетонной плите, прямо в луже, лежала петля из толстой веревки, другой конец которой был привязан к проржавевшему крюку башенного крана, стоявшего в трех-четыре метра от самого здания. Саша сделала пару шагов, со страхом заглядывая вниз. Колени предательски задрожали, и она отпрянула назад.

– Я справлюсь, – едва слышно прошептала она, про себя в ужасе понимая, что не сможет этого сделать.

«Господи! Помоги!» – пронеслось в голове. Но ни одной молитвы она не знала и никогда не обращалась к Нему за помощью. И сейчас не знала, о чем может Его просить...

Она вытерла мокрое лицо. В это-то мгновение в кармане девочки пискнул телефон, и она замерла. Ее лицо застыло, превратившись в жуткую пластиковую маску.

Может, это Миша? А вдруг он включил телефон, увидел ее пропущенный вызов? Может, он передумал?

Трясущимися руками Саша начала извлекать из кармана смартфон. Холодные от непрекращающегося дождя пальцы не слушались, но наконец драгоценный кусок пластика, металла и стекла был извлечен наружу. Она открыла сообщение и до боли что было сил стиснула зубы.

«Струсил?» – высветилось на экране.

Размахнувшись, она швырнула смартфон вниз.

– Я не струсил, – севшим голосом проговорила она. Ей стало трудно дышать, но она нашла в себе силы и, нагнувшись, подняла из лужи мокрую петлю, после чего медленно двинулась к краю плиты.

– И я ничего не боюсь.

Веревка была грубой, мокрой и холодной. Она разбухла от дождевой влаги и почему-то странно скользила в руках. По всей ее длине расползались странные блеклые вкрапления. Саша не сразу поняла, что она была тщательно смазана мылом.

– Мапочка, – всхлипнула она, словно в зыбком тумане надевая петлю на шею.

Где-то вдалеке зарокотал гром, и она зажмурилась.

«Пусть все закончится быстро».

Еще один шаг. Последний...

Саша не видела, как за ее спиной бесшумно возникла фигура в капюшоне.

Держа перед собой телефон, таинственный незнакомец молча и хладнокровно снимал происходящее на камеру смартфона.

– Я никому не нужна. Мама... Миша... Мишенька... – едва ворочая языком, выдавила девочка.

Она закрыла глаза.

«Я ничего не боюсь».

Мысли клочьями носились в воспаленном сознании. Если она передумает и спустится вниз, все пойдет по-прежнему или?.. Эти нескончаемые издевки в школе. Эти проклятые прыщи на лице. Эти ужасные мешки под глазами и бледная, как поганка, кожа. Пьяная мама, которую она видит только поздними вечерами. Миша... Она судорожно пыталась представить, а кому она вообще нужна в этом мире...

Девочка подняла ногу, балансируя на самом краю плиты.

– Простите меня все. Простите, – прошелестела Саша.

Подгоняемая дождем, обидой на весь белый свет, она шагнула вниз...

* * *

Человек в капюшоне, который неотрывно вел съемку, осторожно приблизился к тому месту, где мгновение назад стояла девочка. Тщательно отсняв страшный финал, он переключил телефонную камеру на режим «фото» и сделал еще несколько снимков покачивающегося на веревке тела. Проверив качество сделанных снимков, чудовищный оператор так же бесшумно удалился.

* * *

Продрогший и промокший Тим, так и не найдя лазейки в заборе, долго лаял и скулил. Сознание годовалого песика никак не могло взять в толк, почему его любимая хозяйка, вместо того чтобы играть с ним в парке, оставила его здесь одного... Он был так испуган и озадачен одновременно, что совершенно не обратил внимания на странного человека в капюшоне, который торопливо прошел мимо него.

Снова прогремел гром, и лишь тогда Тима осенила страшная догадка. Его бросила любимая хозяйка. Покинула навсегда. Он почувствовал это внезапно и остро. Дождь лил стеной, превращая утренний воздух в разбухшую серую пелену, а вымокший до нитки пес, задрав голову к плачущему небу, тяжело и обреченно выл, и от этого протяжного, надрывного воя могла застыть самая горячая кровь в самых стальных жилах...

Мост

(Спустя 4 месяца)

Конец августа вполне оправдывал свое истинное назначение, готовя горожан к приходу матушки-осени, и тренировал всех ледяными порывами арктического ветра и внезапным похолоданием. Днем еще нередко выглядывало ласковое солнце, но к вечеру вместе со светилom падала и температура. Столицу плавно накрывало вечернее покрывало, на котором холодным серебром поблескивали звезды.

Артем слегка приоткрыл окно. Вдыхая вечернюю прохладу, он раздумывал о том, правильно ли он сделал, что выехал с дачи Шамиля в столь поздний час. Дорога была практически свободной, и его серебристый «Ягуар» уверенно катил по центральным улицам города.

Адвокат Павлов манипулировал кнопками на руле и наконец нашел новостную радиоволну.

«...На предложение о проведении каких-либо переговоров они ответили отказом... – послышался торопливый голос диктора, ...и продолжали вести стрельбу по полицейской машине. Никто из сотрудников полиции не пострадал...»

Адвокат нахмурился, сделал звук чуточку громче.

«...Было установлено, что в квартире находились пятнадцатилетние подростки, учащиеся одной из столичных школ, их имена в интересах следствия пока не раскрываются... Как удалось установить, юноша вскрыл сейф отчима, достав оттуда помповое ружье... Начал вести беспорядочный огонь из окна... На место прибыли родители подростков, однако их призывы прекратить пальбу и сдаться школьники оставили без внимания... спустя какое-то время в квартире раздался два выстрела... после того как дверь вскрыли, на кухне были обнаружены тела юноши и девушки без признаков жизни... По предварительной версии и исходя из характера ран, школьники покончили с собой... На месте работает следственная группа...»

Диктор переключился на погоду, но Павлов уже не слушал его. Он по адвокатской привычке занимался анализом необычной ситуации.

За последнюю неделю это уже третий случай, когда подростки сводят счеты с жизнью. Во всяком случае, это те факты, которые получили широкую огласку в СМИ. Это странно и страшно. Это ужасно, опасно и тревожно. Фактом также являлось то, что подобные трагедии по необъяснимым причинам происходят все чаще и чаще, превращаясь в жуткую норму современных реалий. Что происходит? Какие реальные причины и силы стоят за этими страшными ЧП? Что он, активный, неглупый и равнодушный человек и гражданин, может сделать в этой ситуации? Вопросы жгли его сознание и требовали срочного ответа.

Артем свернул в Крутицкий переулок, двигаясь в сторону Новоспасского моста. В самом начале моста, на въезде, внимание Павлова неожиданно привлекла одинокая фигура человека, стоявшего у края. Судя по хрупкому телосложению и невысокому росту, адвокат предположил, что это подросток, и непроизвольно стал притормаживать.

Проезжая мимо, ему удалось разглядеть фигурку. Это была молодая женщина. Упершись руками в массивные чугунные поручни, она ловко перекинула одну за другой ноги через перила и оказалась с другой стороны ограждения. Ветер с силой трепал ее распущенные длинные волосы, и на фоне ночного неба ссутулившаяся фигура стоящей на мосту женщины выглядела зловеще.

Артем мгновенно сбросил скорость и, включив аварийные огни, остановился в нескольких метрах от незнакомки.

– Ну и ну... – вслух пробормотал он. Сознание услужливо напомнило о только что услышанных новостях последних минут про двойной суицид школьников и про размышления по этому трагическому поводу. И вот судьба, словно решив провести безумный эксперимент, тут

же подбросила адвокату практическую задачу из реальной жизни... Неужели эта сумасшедшая бросится вниз с моста?! Он не мог поверить в реальность происходящего от него в двух шагах на пустынном мосту в центре ночного города.

Первой и единственно здравой мыслью, возникшей у адвоката, было сообщить о странной женщине в экстренные службы. Не сводя с нее взора, Павлов уже потянулся к телефону, как вдруг та повернула голову в его сторону, словно читая его мысли. Артем не мог разглядеть лица женщины, но в том, что она пыталась его рассмотреть сквозь окно автомобиля, у него сомнений не было. Звонить не было времени и возможности. Неугомонный характер уже взял его в свои железные лапы и заставлял вмешаться.

Не отрывая взгляда и фиксируя каждое движение странной дамы, адвокат открыл дверь. Выйдя из машины, все так же не спуская глаз со своей неожиданно встреченной визави, аккуратно прикрыл ее. Лишний шум, как и любые резкие движения сейчас могли только навредить.

Прежде чем направиться к женщине, Артем глубоко вдохнул и выдохнул. Это был испробованный и проверенный не раз лучший способ сжечь излишне подскочивший адреналин. Затем он неторопливо зашагал к перилам.

– Стойте! – вдруг выкрикнула молчавшая до этого момента женщина, и в ее резком выкрике он услышал дрожащие нотки паники. – Не подходите!

Артем еще раз глубоко вдохнул-выдохнул и как только мог миролюбиво улыбнулся:

– Стою. Не волнуйтесь! Я не сделаю вам ничего плохого.

– Не подходите, – угрожающе, но уже не так резко и уверенно повторила женщина.

Павлов дружелюбно улыбался и быстро оценивал ситуацию. Кидаться к незнакомке, чтобы вытащить ее через перила обратно на мост, слишком рискованно – несмотря на небольшое расстояние, он мог все же не успеть. Глядя на ее бледное лицо, искаженное гримасой отчаянной решимости, Артем осознал, что едва ли он успеет сделать даже шаг в ее сторону – бедняга, утратившая над собой контроль, попросту прыгнет вниз, на проезжую часть.

Остановившись в нескольких шагах от несчастной женщины, Артем облокотился на холодные перила. Внешне адвокат выглядел спокойно и даже безмятежно, но его нервы были напряжены до предела, напоминая стальные тросы этого проклятого моста. И хотя мост был совсем ни при чем, Павлов прекрасно осознавал, что для предотвращения трагедии ему придется взять на себя роль психолога и тщательно подбирать каждое слово, чтобы отвлечь эту несчастную и каким-то непостижимым образом спасти от рокового шага.

– Здесь сильный ветер, – неожиданно сказал он, не глядя в сторону незнакомки. – А вы очень легко одеты.

– Вам-то что с этого? – огрызнулась женщина. Павлов посмотрел на нее.

– Я предлагаю вам перелезть обратно. У меня в машине есть термос с чаем. Вы, по крайней мере, согреетесь. А потом расскажете мне про ваши проблемы. Уверю вас, я смогу помочь!

Она хмыкнула, и Артем понял, что идея с чаем и консультацией пришлась не к месту. В самом деле, когда человек решил свести счеты с жизнью, вряд ли он будет думать о чае и душевном разговоре.

«Может, мне удастся вынудить ее отойти чуть дальше? Тогда она, если все же решится довести до конца задуманное, хотя бы упадет в воду, – подумал Павлов. – И шансы выжить в таком случае значительно повышаются».

Решение пришло само собой, и он, не приближаясь к собеседнице, проворно перелез через перила. Пальцы крепко обхватили чугунное ограждение, и адвокат затаил дыхание. Пронизывающий ветер неприятно холодил кожу, руки быстро немели от стылых перил. Теперь они оба стояли снаружи ограждения моста.

– Если вы сделаете еще один шаг, я прыгну вниз, – хрипло предупредила женщина. Артем покачал головой.

– Вы хотите расстаться с жизнью? Но если вы прыгнете вниз, вы, скорее всего, останетесь в живых, – спокойно произнес он. – Вы сильно покалечитесь. Вероятно, даже станете инвалидом на всю жизнь.

Женщина недоверчиво уставилась вниз. У нее был такой растерянный вид, словно мысль о том, что ее план не сработает, даже не приходила ей в голову.

Пока она раздумывала, Артем сделал маленький шагок в ее сторону.

– При падении с большой высоты есть риск повреждения позвоночника, – размеренным тоном лектора продолжил он. – При таком раскладе вы до конца жизни будете прикованы к больничной койке. Вас будут переворачивать, чтобы не образовалось пролежней. Вы не сможете делать элементарных вещей, чтобы обслужить себя. Но это еще не самое худшее. Вам знакомо выражение «превратиться в овощ»?

– Замолчите! – взвизгнула женщина.

– Как вас зовут? – неожиданно и очень вкрадчиво спросил Артем.

Еще один шаг и еще маленький шагок.

– Какая вам разница?! Кто вы такой и что тут делаете?! Стойте на месте!

Только сейчас она обратила внимание, что мужчина медленно, но неуклонно приближается к ней, и она машинально пятилась в сторону, держа между собой и мужчиной дистанцию.

– Что бы ни случилось, у человека всегда есть возможность выбора, – сказал Артем. – Как бы больно вам ни было. Давайте мы сейчас вместе вернемся обратно за ограждение, и я вас внимательно выслушаю. Возможно, я смогу вам чем-то помочь. Он вновь навязывал ей альтернативу в виде своей помощи. Ну не в машине за чаем из термоса, так хотя бы здесь, на мосту. Разговор, беседа, переговоры, да что угодно! Только не крайние трагические шаги и необратимые последствия!

Женщина горько усмехнулась и задрала голову, разглядывая ночное небо.

– Разве вы сможете вернуть мне дочь? – отрешенно спросила она. – Вы умеете оживлять людей?

Павлов придвинулся к ней еще ближе.

– К сожалению, этого я не умею. Это не в состоянии сделать никто из живущих, – тихо проговорил он. – Как отец и человек, я разделяю вашу боль от потери любимой дочери. Но я уверен, что она ни за что бы не одобрила того, что вы сейчас задумали. Самоубийство – не выход. Это побег от проблемы, побег от самого себя. Вы верите в Бога?

Очередной шагок.

– Я... я... да, наверное... я крещеная, – тусклым неуверенным голосом произнесла женщина.

– Тогда вы должны знать, что Бог не приветствует подобные поступки. Он нас очень любит и дает нам жизнь. И никогда не хочет нашей гибели. Это правда!

Она внимательно и испытующе взглянула на Павлова.

– А вы... вы смелый...

– Да ну что вы! Какой я смелый? Я люблю жизнь и людей. Я просто не хочу, чтобы вы сделали что-то с собой. Вот вы – другое дело! Это вы как раз очень смелая и, похоже, сильная духом. У вас воля железная. Не каждый сможет вот так запросто перескочить ограждение и стоять над пропастью... Что бы ни говорили психологи, принять такое решение очень непросто.

От Павлова не ускользнуло, как после этих слов плечи женщины неосознанно выпрямились.

– Так, может... лучше направить ваши силы и энергию на что-то другое? Полезное. Ну вот, например, помочь тем, кто слабее вас? – вкрадчиво спросил он. – Будьте сильной. Помогите другим. Может, кто-то именно сейчас нуждается в вашей поддержке. А вы тут на мосту решили сбежать ото всех...

Адвокат переступил ногами, и женщина инстинктивно снова отодвинулась от него.

«Так тоже хорошо, – промелькнула у него мысль. – Еще пару метров, и она будет над водой. Во всяком случае, там, где глубина не позволит при падении ей разбиться или покалечиться...»

– Я не могу, – вдруг всхлипнула женщина. – Ее лицо перед моими глазами каждую секунду. Я не могу так больше... А они забирают у меня квартиру...

Она опустила голову, едва сдерживая рыдания.

– Послушайте... – вновь начал Павлов.

– Оставьте меня. Отойдите от меня, – устало проговорила женщина. – Я же вижу, как вы движетесь ко мне. Вы только напрасно тратите время. Я все уже решила...

– Ну тогда я прыгну с вами, – решительно сказал Артем, не отрывая взгляда от странной собеседницы.

Она уставилась на адвоката, как на умалишенного.

– Вы что, псих?

Артем дружелюбно усмехнулся.

– В какой-то степени – да.

Он уже приблизился к женщине почти вплотную, и его пальцы осторожно коснулись ее руки. Она ответила нервной дрожью.

– Кто вы такой? – шепотом спросила она, вглядываясь в лицо Артема. – Вы... вы показались мне очень знакомым.

– Может быть. Меня часто путают с известными людьми, – уклонился от прямого ответа адвокат. – Это неважно сейчас. Послушайте, я все-таки предлагаю перелезть обратно. Вы не находите, что мы довольно глупо выглядим со стороны?

Отчаянно долгую, бесконечно томительную минуту женщина безмолвно смотрела перед собой, о чем-то раздумывая. Затем она вздрогнула и разлепила губы:

– Мне... мне очень страшно и... очень... холодно. Я боюсь повернуться. Мне кажется, что мои руки примерзли к перилам. И ноги затекли...

– Понял. Не шевелитесь. Я сейчас помогу вам, – сказал Павлов. – Вы же позволите мне?

Она кивнула, не глядя на Артема. И он перешел к решительным действиям, не давая ей опомниться и передумать в столь ответственный момент истины.

– Тогда сделаем так. Я сейчас перелезу обратно и уже тогда оттуда вытащу вас. Идет?

И Артем уже занес ногу, чтобы перелезть обратно и спасти эту несчастную. Но прежде чем Павлов перелез и даже прежде чем он услышал ответ, за их спинами раздался оглушительный звук автомобильного гудка. Женщина испуганно вскрикнула, и неожиданно ее тело подало вперед. Пальцы Артема крепко стиснула холодная ладонь.

– Держитесь! – закричал он, ощущая, что начинает терять равновесие. Балансируя на краешке моста, он понял, что не в состоянии долго удерживать незнакомку.

– По... помогите, – выдохнула женщина, и через мгновение они оба рухнули вниз. Черная неизвестность с легкостью проглотила обоих, издав лишь глухой всплеск.

* * *

Во время падения их руки расцепились. Это позволило Артему хоть как-то сгруппироваться, и его тело вошло в воду практически вертикально. Быстро вынырнув на поверхность, он сплюнул попавшую в рот отвратительную на вкус воду и начал судорожно оглядываться по сторонам. Его компаньонки нигде не было видно. Павлов быстро соображал, что случилось самое страшное и счет пошел на секунды. Даже если она осталась жива, и не сломала себе позвоночник при падении, и не получила разрыв сердца, она наверняка потеряла сознание либо от удара, либо от страха. Всплыть самостоятельно в таком состоянии она не сможет. При

потере сознания она наверняка попросту захлебнется. Моментально набухшая от воды одежда и обувь стесняли движения и предательски тянули вниз, но времени на то, чтобы скинуть с себя одежду или хотя бы ботинки, не было, и Павлов, набрав в легкие побольше воздуха, нырнул под воду. Кромешная тьма, мусть, холод, неизвестность – все эти факторы сводили его спасательную операцию к нулю... Миссия была поистине невыполнимой...

Банальные истины сверлили судорожно уходящее сознание... Человек дышит воздухом. Без него нет жизни. Продержаться больше 5 минут под водой без кислорода обычный человек не может. Остатки драгоценного воздуха подходили к концу, от этого грудь адвоката все сильнее сдавливалось стальным обручем, и он уже начал судорожное экстренное всплытие, как его ладонь коснулась тела женщины. Тут же в него остервенело вцепились все до единого ногти утопленницы. Артем, прилагая невероятные усилия, из последних, давно покинувших его вместе с кислородом сил потащил неудавшуюся утопленницу на поверхность.

Вынырнув, Павлов захрипел и с жадностью глотнул воздуха. Незнакомка тоже кашляла, выплевывая воду, ее огромные глаза источали суеверный ужас. Барахтаясь в воде, она мертвой хваткой вцепилась в Артема и отчаянно пыталась взобраться на него. Ситуация вновь становилась угрожающей. Причем теперь жизни обоих. Нужно было действовать.

– Вы умеете плавать? – переводя дыхание и пытаясь удержать на плаву и себя, и женщину, спросил адвокат. Как и ожидалось, она отрицательно замотала головой.

– Не висните на шее. Вы утянете нас обоих на дно. Успокойтесь!

– Вы... вы – тяжело дыша, прохрипела незнакомка. – Вы же сами хотели со мной прыгнуть...

– Точно. Но теперь надо не утонуть. А то будет обидно. Нам же не зачтут рекордный прыжок. Работаем вместе! Видите впереди причал? Нам нужно доплыть до него. Держитесь за мое плечо и работайте ногами. Только ногами. Как русалка. Хорошо? – инструктировал Артем. – Энергичней!

Она проскулила что-то невнятное, но за плечо адвоката взялась, точнее впилась. В то же время Павлов попытался плыть брассом в сторону темнеющего причала.

– Эй! – раздался откуда-то сверху испуганный крик. – Вы там живы?

«Живы, живы, – мысленно произнес адвокат. – Теперь главное, не столкнуться с каким-нибудь теплоходом».

Вслух же он закричал:

– Да! Вызывай «Скорую»!

Спустя несколько неопиcуемых по напряжению сил, нервов и эмоций минут они были у причала. Павлов вылез первым, помогая подняться женщине. Взглянув на мост, адвокат увидел дорожно-уборочную машину, остановившуюся позади его автомобиля. У перил стояли двое, вглядываясь в черную, как нефть, реку.

– Так вот наши герои! Посигналили, так не вовремя и напугав тебя, – сказал Артем. – Забавные, идиоты...

– Меня зовут Карина, – стуча зубами, проговорила женщина. Дрожащей от холода рукой она убрала с лица прядь длинных, густых и мокрых волос. Несмотря на ночную темноту, бледную кожу, предынфарктное состояние и трагичность момента, Павлов наконец-то взгляделся в ее лицо и понял, что его случайная знакомая не просто когда-то была весьма привлекательной, а и сейчас могла бы считаться настоящей красавицей. Причем красота ее была естественной, природной, без пластики и макияжа.

– Очень приятно познакомиться, – сказал он, снимая обувь и выливая из туфель воду. – Артем Павлов к вашим услугам.

– Артем Павлов? – изумленно переспросила женщина. Она была настолько поражена, что даже на мгновение перестала выбивать дробь зубами. – Так вот почему вы показались мне знакомым...

– Полагаю, что после всего происшедшего можно перейти на «ты». Ты согласна?

Карина рассеянно кивнула. Она бросила взгляд на свои ноги.

– Одну туфлю потеряла, – проговорила она и, вздохнув, сняла ту, что уцелела.

– О! Мне повезло больше. Обут по полной программе.

Слушай, я бы довез тебя домой, – сказал Павлов, – но тебе нужно в больницу.

– Я не хочу в больницу, – замотала головой Карина.

Помедлив, Артем произнес:

– Давай я поеду с тобой. А ты мне по дороге все расскажешь. Хорошо? И мы вместе подумаем, как быть дальше.

– Хорошо, – легко согласилась Карина.

Издали стали слышны звуки сирены.

– И еще, Карина, – сказал Павлов. – Не подумай, что я собираюсь поучать тебя. В этом мире много несправедливости. Но он также бывает замечательным и прекрасным. Помни, что даже в грязной луже отражается солнце. А еще никогда не забывай о сказке про двух лягушек. Поверь, жизнь стоит того, чтобы стиснуть зубы, работать лапками и жить дальше.

Он замахал рукой, видя, как приближается автомобиль «Скорой помощи».

Карина молча смотрела на черную воду, в которой искрились отблески лунного света.

– Сегодня ночью Небеса пожалели меня, – прошептала она.

Полоса

Он брел по улице, меланхолично пиная пустую банку из-под газировки. И хотя уже давно стемнело, парень явно не торопился домой. Собственно, что его там ждало? Отчим наверняка не упустит возможности лишний раз его унижить и оскорбить, а матери он давно стал безразличен.

Юноша остановился, уставившись на ободранную банку, словно пытаясь разглядеть в этой грязной измятой жестянке некий тайный знак или смысл.

«Нет, – про себя произнес он, и его лоб прорезали морщины. – Мать и отчим – это фигня».

Отчасти это было правдой. Во всяком случае, по сравнению с тем, что произошло сегодня днем, когда он хотел пригласить одноклассников в Макдоналдс, чтобы отметить свой день рождения (он три месяца откладывал на это мероприятие карманные деньги!), домашние проблемы моментально ушли на второй план.

Он снова раздраженно пнул виноватую во всех его бедах банку. Та подпрыгнула в воздухе и с противным звяканьем упала на тротуар, подкатившись к ногам идущей навстречу пожилой женщины. Старушка неодобрительно покачала головой. Очевидно, она намеревалась сделать замечание подростку, но, взглянув в его застывшее, напряженное лицо, лишь еще плотнее сжала губы. Прошли те славные времена, когда на улице и в других общественных местах прохожие могли безболезненно делать замечания слегка расхулиганившимся подросткам. Сегодня такие воспитательные действия нередко заканчиваются разрушительным противодействием. Бабушка это знала и удалилась, ругая парня молча.

А он двинулся дальше и, заметив впереди глубокую лужу, намеренно пошел прямо через нее. Ботинки мгновенно намокли, но парень словно даже не почувствовал этого.

– Ромка! Роооом!

Он вздрогнул, вжав голову в плечи, как черепаха в панцирь. За спиной раздался звонкий девичий смех:

– Привет! Рооом! Я тебя даже не сразу заметила.

Перед ним стояла девочка-подросток лет четырнадцати, держа в руках роликовые коньки.

– Вот, ездил в парк кататься, – пояснила она и приподняла руку с роликами, словно Роман мог усомниться.

– А-а, – бесцветно протянул юноша. – Привет, Вика.

Она обратила внимание на мокрые следы, оставленные подошвами обуви приятеля, и хихикнула:

– Ты чего это, реку вброд переходил?

Роман хмуро посмотрел на девочку.

– Типа того, – проворчал он, двинувшись дальше.

Вика перестала улыбаться.

– Эй, Ром! Ты чего такой загруженный?

– Все нормально, – не оглядываясь, бросил юноша.

Вика недоуменно пожала плечами. Что с ним такое? Она была знакома с этим мальчишкой чуть ли не с пеленок, жили в одном подъезде, гуляли в одном дворе. Затем родители Вики купили квартиру в соседнем районе и переехали. Но они с Ромой продолжали частенько видеться, хотя к тому времени у каждого из них была своя компания. У Ромы приятное лицо, он интересный и остроумный в общении, и, пожалуй, единственное, что его портит, – врожденная сутулость, что, в общем-то, не так уж и важно...

«Может, в школе что-то случилось?» – предположила Вика и зашагала в сторону своего дома. Сутулая фигура Ромы двигалась к своему.

* * *

Роман поднялся на свой этаж и, остановившись у двери, несколько секунд безмолвно разглядывал массивную стальную дверь.

«Как в бункере, – скользнула у него мысль, и лицо его стало угрюмым. – Люди – сейфы». Как только в их доме появился Вадим Сергеевич, он тут же навел свои порядки, первым делом установив железную дверь. И сейчас эта черно-матовая громадина глумливо насмехалась над ним: «Я, конечно, пропущу тебя внутрь... Но имей в виду, что *твоего* там ничего нет...»

В кармане подростка тренькнул телефон, извещая о полученном сообщении. Он торопливо вынул его, жадно вчитываясь в текст.

«У вас новое сообщение от пользователя Мэлори».

В потухших глазах юноши вспыхнули огоньки благодарности. Как он мог забыть о своей новой группе «Среди друзей»?!

Вот там действительно интересно. Вот там действительно его не пошлют лесом с его несчастным днем рождения, а лучший друг не станет при всех целоваться с девушкой, которая ему нравилась со второго класса. И железная дверь не закрыта на три замка...

В группе никто не назовет его горбатым и не поставит подножку...

Если у Романа и были какие-то сомнения, идти или не идти домой, то после полученного сообщения они быстро рассеялись. Идти. Для того чтобы срочно добраться до последней родной ему вещи, даже не вещи, а настоящего друга – компьютера, верно ждущего его в маленькой комнатке на столе. Интересно, что написала ему Мэлори? Он решил, что узнает это, войдя в Сеть с помощью своего верного друга.

Влетев в квартиру, Роман скинул размокшие ботинки. Пока он раздумывал, можно ли их просушить мамкиным феном или за ночь они высохнут сами, в коридоре показался отчим.

– Э-э-э, прибыл? – спросил Вадим Сергеевич, уставившись на пасынка недоверчивым взглядом.

«Нет, не прибыл. У вас глюки», – хотел съязвить Роман, но вовремя прикусил язык. На собственном горьком опыте юноша усвоил, что шутить с отчимом подобным образом всегда выходило себе дороже.

Вадим Сергеевич подошел к нему вплотную.

– Ну и где ты шарахался весь день?

– Гулял, – буркнул подросток, намереваясь пройти в свою комнату, но отчим выпятил внушительный живот, чуть ли не впечатав Романа в стену:

– Почему мать не предупредил?!

– Я предупреждал, – вяло отозвался тот. У Ромы начала кружиться голова и неприятный ком подкатывал к горлу. В настоящий момент юноша желал лишь одного – чтобы его оставили в покое.

– У меня пропала карточка, – вдруг заявил Вадим Сергеевич, не сводя тяжелого взгляда с парня. – Банковская карточка.

Роман изумленно посмотрел на отчима.

– Я не брал, – сказал он. – Зачем мне это?

– Не брал? – переспросил Вадим Сергеевич, сжав толстыми пальцами подбородок парня. – Откуда мне знать?! Может, тебе деньги нужны?! Тем более в магазины мы часто ездим, ПИН-код ты мог и подсмотреть!

Роман почувствовал, как где-то глубоко внутри набухает горячий шершавый и колючий шар, грозя разорвать его изнутри в клочья.

– Я ничего не брал у вас! – выкрикнул он. – И никакого ПИН-кода я не знаю!

Его глаза наполнились влагой, и пальцы мужчины разжались, отпуская подбородок пасынка.

– Хм, истеричка, – хмыкнул Вадим Сергеевич. – Иди умойся... девчонка.

– Сами вы... – вырвалось у Романа.

Круглое лицо отчима побагровело от злости.

– Что? Я не расслышал. Ты что-то вякнул, щенок? – процедил он.

Из ванной бесшумной тенью выскользнула мама, запахивая полы халата. Ее волосы были влажными.

– Вадик, не нужно, – тихо попросила она.

Мужчина опустил потянувшуюся было к уху пацана руку и проводил пасынка налившимся кровью взглядом.

– Оля, он стал слишком много позволять себе, – с презрением сказал он.

– Он наш сын, – робко проговорила женщина, и Вадим Сергеевич усмехнулся.

– Он твой сын, – поправил он супругу. – Наш общий сын был бы совершенно другим...

На лице Ольги Борисовны проступила бледность.

– Вадик, пожалуйста, перестань.

– Если этот... Ромка взял карту, пусть лучше сразу признается, – недобро нахмурившись, пообещал Вадим Сергеевич и направился в гостиную.

Горестно вздохнув, Ольга Борисовна вошла в комнату сына.

Роман, сгорбившись, сидел за компьютерным столом, молча уставившись в экран монитора, где лазурно вспыхнула компьютерная заставка операционной системы.

– Рома...

– Ну? – равнодушно отозвался парень.

– Не обижайся на папу. Прошу тебя.

Роман желчно усмехнулся.

– Он мне не папа!

Женщина принялась разглядывать собственные пальцы, будто бы ничего более занимательного за последнее время ей не доводилось видеть.

– Да, он тебе не кровный отец. Но кто виноват, что наш папа умер? Кто виноват, что я боялась остаться одна? Ты ведь был совсем маленьким... Вадим Сергеевич поддержал нас, когда нам было плохо. Если честно, он всегда любил меня, мы ведь учились в одной школе. И он мне тоже нравился. Просто так сложилось, что примерно в одно время мы стали одиноки – его жена долго болела и тоже умерла... Если бы не он, нам пришлось бы разменивать квартиру и перебираться в коммуналку, – перечисляла мама. – Он не всегда был таким, поверь. Работа в полиции накладывает свой отпечаток. Вадим Сергеевич дал нам все. И он поможет тебе с поступлением в институт...

Роман молчал, терпеливо ожидая, когда компьютер окончательно загрузится.

– Ладно. Скажи, сынок, ты... – Ольга Борисовна перевела дыхание, словно все еще раздумывая, следует ли задавать сыну столь щекотливый вопрос, – ты правда не брал карточку?

Роман пригнулся еще ниже, словно от удара плетью, и медленно повернулся к матери. Его губы мелко дрожали.

– Мама, ты что? – срывающимся голосом спросил он. – Ты что? Ты с ума сошла?! Ты с ним заодно?!!

– Рома...

– Ты мне не веришь?!

– Сынок, успокойся!

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Во взгляде Романа буйствовала мешанина из обиды и злости, которые постепенно вытесняла глухая безысходность. Мать же

смотрела на сына с недоумением и испугом. Никакого осознания, что этим вопросом и, соответственно, подозрением она нанесла душевную рану своему ребенку, в ее глазах не было. Она этого не понимала и даже не предполагала.

– Я не брал его дурацкую карточку, – шмыгнул носом Роман, отвернувшись к компьютеру. – Я... я не вор.

– Хорошо, хорошо, сынок, – торопливо забормотала Ольга Борисовна. – Извини.

Повисла тяжелая пауза. Мама машинально теребила поясok халата, а Роман щелкал мышью, удаляя в «корзину» накопившийся в электронном ящике спам. «Осенняя распродажа», «Хочешь заработать, не вставая с дивана?», «Новостройки по смешной цене» – от этих заголовков хотелось со всей силы грохнуть кулаком в монитор, хотя Роман понимал, что он тут совершенно не при делах...

«Настоящее одиночество, это когда тебе на почту не приходит даже спам», – невесело подумал парень, вспомнив фразу, услышанную в каком-то разговоре.

Ну, спам ему пока приходит, так что, следуя вышеупомянутому изречению, одиночество ему еще не грозит.

Кроме письма от Мэлори в его почте не было ничего ценного, но Роман намеренно не открывал его, не желая делать это при матери. Всем своим видом он старался показать, что мама здесь лишняя, и тайне молил, чтобы она побыстрее убралась, оставив его одного.

– Как учеба? – наконец подала мама голос.

– Нормально, – не оборачиваясь, сухо ответил Роман.

– Двоек нет?

Парень покачал головой, про себя подумав, что в последний раз мама интересовалась его успеваемостью как минимум месяц назад. Это при том, что в следующем году ему сдавать ЕГЭ!

– Ну и хорошо, – сказала она, но в ее голосе никакой радости не ощущалось. – Послушай, Рома...

– Ну что еще? – устало спросил парень.

Ольга Борисовна откашлялась, как если бы желала потянуть время с не слишком приятной новостью.

– Завтра приезжает Леша, сын Вадима Сергеевича, – осторожно начала она. – Он будет с женой и своими мальчиками.

– Ну и что? – безучастно отозвался Роман. Про себя он уже догадался, о чем сейчас будет просить его мать.

– Ну... я хотела с тобой поговорить... – спотыкаясь на каждом слове, произнесла женщина. – В прошлый раз вы с Лешей не ладили...

– Не ладили, – эхом отозвался юноша.

– Ну вот... Ты не мог бы завтра вечером... ну, уйти к друзьям? Пока Леша с семьей будут у нас?

Произнеся эти слова, она отвела взгляд от сына.

Но Роман даже не повернулся. Он лишь еще больше ссутулился, с силой сжимая пальцами «мышь», так, что у него побелели костяшки.

– Конечно, уйду, – сквозь зубы произнес он. – Никаких проблем.

Мама поднялась, ее руки нервно прошли по складкам халата, словно стряхивая с него невидимые соринки.

– Спасибо тебе большое. А в выходные я напеку блинов, – зачем-то добавила она и наконец-то подняла голову. Сын не пошевелился, все свое внимание сосредоточив на аннотации к какому-то вновь вышедшему блокбастеру. Он не решался войти в группу, участник которой только что прислал ему сообщение, поскольку там требовалось ввести пароль, а он не хотел, чтобы мама это видела.

В комнату заглянул отчим. На блестящем от пота лице блуждала самодовольная ухмылка.

– Оля, ты чего тут застряла? Сваргань что-нибудь скоренько, – велел он. – Ко мне Серега сейчас заскочит, мы посидим немного... Кстати, нашел я карточку-то, – Вадим Сергеевич хихикнул, словно приглашая жену и пасынка разделить радость от этой новости. – В кармане куртки я ее отыскал, представляешь? Видать, как расплатился в магазине, забыл в бумажник положить...

Помолчав, он перевел взгляд на Романа, застывшего в сгорбленной позе, словно скорбное извятие.

– Уроки делаешь? Или голых девок разглядываешь?

Юноша ничего не ответил.

– Оля, может, ему вообще Интернет отключить? – предложил Вадим Сергеевич. – Я в его годы на улице в футбол гонял. В походы ходил, на байдарках плавал... А он... Только деньги сосет эта Сеть. Тьф-у, у нас в детстве сеть была для рыбы, для футбола, а теперь для «виртуальной действительности»! Дрянь! Жизнь, сопляк, не виртуальная, и денежки тоже...

– Пойдем, Вадик, – мягко сказала Ольга Борисовна, выходя из комнаты. Отчим еще что-то недовольно бурчал, но она уже закрыла дверь, и Роман не слышал, о чем именно шла речь. Скорее всего этот жирный хряк в сотый раз упрекал маму за то, что она родила такого сына... «Девочка», «сопляк», «щенок», «истеричка»... и это еще не самые обидные прозвища, которыми Вадим Сергеевич его награждал. Никаких «сын» или просто «Рома». В лучшем случае – «Эй!» или «Поди сюда!»

Сейчас его буквально трясло от злости и возмущения.

Толстый индюк! Нашел же все-таки свою дурацкую карточку! И даже не извинился! И зачем мама живет с этим уродом?!

Впрочем, претензий к матери у Романа было не меньше, но едва ли это могло что-то изменить.

Взгляд парня упал на небольшой канцелярский нож, которым он вчера от нечего делать кромсал ластик. Он взял его в руки, большим пальцем выдвигая узкое лезвие. Поднес к самому лицу, завороченно глядя на остро заточенную пластину.

«Интересно, если порезать вены, через сколько времени можно умереть?» – внезапно подумал он. Роман вспомнил, что где-то слышал, будто самоубийцы режут вены в ванне, наполненной теплой водой. Якобы это препятствует сворачиванию крови, поэтому смерть наступает быстрее. И не так больно.

Он на мгновение представил свое обмякшее тело в красной от крови воде – бледное, с прилипшими ко лбу мокрыми волосами, безвольно свисающей рукой, с пальцев которой капля за каплей вытекает жизнь...

Роман вздрогнул и торопливо положил нож на стол. С открытым лезвием.

Он был растерян, и эта растерянность граничила со смятением. По какой-то неизъяснимой причине юноша испытал странное волнение от только что возникшего образа, созданного воображением. Хотя по логике подобные вещи должны вызывать отторжение, испуг, неприятие. Во всяком случае, не в его возрасте думать о конце...

Но никакого отторжения он не испытывал. Легкий испуг лишь подогрел интерес. Безучастная, угрюмая обреченность – вот какое чувство заполняло его существо.

«Вот они зашевелились бы, если я сделал бы что-то с собой», – со злорадством подумал парень. Хотя нет, тут он лгал самому себе. Возможно, мать еще и будет оплакивать его кончину, но только не Вадим Сергеевич. Роман не сомневался, что этот жирный упырь отнесется к его смерти точно так же, как к раздавленному таракану. А вот в школе наверняка все будут в шоке. И эта Ленка... гадина. Он ведь любит ее! Точнее, любил. До сегодняшнего дня...

Телефон, который подросток положил на край стола, нервно пискнул, и Роман чуть не подскочил на месте от неожиданности. Он схватил его в руки, жадно читая очередное уведомление о полученном сообщении.

Мэлори!

Как он мог забыть об этом?!

Затаив дыхание, он нажал на ярлычок социальной сети «Среди друзей» и, введя пароль, вошел в группу под названием «Затишье».

«Привет! Ты куда потерялся? Скучаю!» – гласило первое письмо. Следующее было более коротким, но от этого не менее выразительным: «Ты где??», и под ним мерцала прилепленная картинка в виде плачущего хомячка. Правда, судя по времени отправления, письма были написаны несколько часов назад... Сейчас Мэлори была вне Сети.

Откашлявшись, Роман придвинул к себе клавиатуру и принялся торопливо набивать текст ответа.

«Привет! Только что пришел. Отчим достал. Мать тоже. Настроение – полный отстой», – отпечатал он.

Подождал немного, с надеждой поглядывая на статус Мэлори. Она все еще была офлайн.

Странно. Ему всегда казалось, что он испытывал чувства к Лене (во всяком случае, до сегодняшнего дня), но к Мэлори его тянуло с неменьшей силой, хотя он даже никогда не видел настоящего лица своей новой знакомой. При всем при этом юношу не покидало чувство, что он воспринимал эту странную девушку так, словно он знал ее сто лет, будто был с ней вместе в одном детском садике...

Роман открыл страничку девушки, обратив внимание, что она сменила аватарку. Если раньше у нее профильным фото была засохшая роза в пустыне, то теперь ее сменила печальная девушка с развевающимися волосами. Покорно склонив голову, она сложила ладони в молитве, а над ее головой серебрилась полная луна.

Статус Мэлори гласил: *«Некоторым не удается жизнь: ядовитый червь гложет им сердце. Да приложат они все силы свои, чтобы смерть лучшая удалась им! Фридрих Ницше»*.

Роман непроизвольно уставился на канцелярский нож. Он уже хотел было потянуться к нему, чтобы задвинуть лезвие обратно, но передумал.

Странная эта девушка Мэлори. Когда он спросил о ее настоящем имени, она ответила, что она его ненавидит. Мол, пусть Роман не обижается, но она не будет его сообщать. И добавила, что, если бы была возможность, она бы сразу сменила имя.

Ну что ж, Мэлори так Мэлори. Кстати, по поводу своего ника девушка тоже ответила уклончиво. «Когда-то у меня был приятель по прозвищу Микки. Так случилось, что он отправился в страну снов», – сообщила она, когда Роман задал ей вопрос. Ничего не поняв, юноша залез в Википедию, где с изумлением выяснил, что Микки и Мэлори – главные персонажи нашумевшего в свое время фильма Оливера Стоуна «Прирожденные убийцы».

Впрочем, какая ему разница, кто как себя называет?

Личных фото у девушки тоже не было, но юноша был уверен, что она наверняка красивая. Возможно, не такая, как Лена... Но все же...

«Забудь о Лене, – мысленно приказал себе Роман. – Все закончено».

Он вышел со страницы Мэлори, решив посмотреть новости группы. Некто под ником Фрид написал на стене: *«Лучше умереть, чем маяться в неволе... Леонардо да Винчи»*. Чуть ниже была опубликована фотография громадного кита, беспомощно лежащего на берегу. Фото разместил участник группы Капелька Яда, оставив комментарий: «Он устал жить...»

Роман поежился. Слишком мрачно как-то все это. Но картинка заставила задуматься...

В самом деле, зачем киты выбрасываются на берег? Зная, что там их ждет неминуемая смерть?

Он принялся читать дальше.

Кто-то под ником Непрощенный рассказывал о собаке, которая после смерти хозяина бросилась в реку. Ее вытащили, но на следующий день история повторилась. В итоге собака все-таки исполнила задуманное, покончив с собой.

Капелька Яда под этим рассказом оставила комментарий: «*Чем сгнивать на ветках – уж лучше сгореть на ветру. Сергей Есенин*».

Пока Роман читал разделы группы, ему поступило сообщение. Он с облегчением вздохнул – наконец-то! Мэлори в Сети!

«Привет, Рома!»

«Привет!» – написал он.

«Я ждала тебя весь день. Как у тебя дела? Ты написал, что проблемы дома. Что случилось?»

Юноша вздохнул и озадаченно поскреб затылок. Стоило ли грузить свою виртуальную знакомую своими реальными проблемами?

«Конечно, нужно», – неожиданно шепнул ему внутренний голос.

Роман передернул плечами. Что-то подсказывало ему, что Мэлори только и ждет, когда он перед ней раскроется. Как цветок, встречающий рассвет, распускает свои лепестки.

«Все хреново. Прости, что жалуюсь».

«Что именно?» – тут же последовал вопрос.

Немного подумав, Роман напечатал ответ:

«Вообще все. У меня днюха была позавчера. Хотел с одноклассниками посидеть в кафешке. Все вроде согласились. А потом выяснилось, что у одного родаки на дачу свалили и у него квартира освободилась. Все к нему ломанулись. Никто даже про меня не вспомнил».

Он запнулся, размышляя, нужно ли рассказывать Мэлори о своих чувствах к Лене (правда, уже заметно угасших чувствах), и в итоге решил, что не будет ничего скрывать от девушки. Смысл?

«Мне Лена нравилась. А Борис ее в углу зажал, они целовались. Мне было тошно», – написал он.

«Она любила тебя?» – уточнила Мэлори.

Роман замешкался, потом неуверенно набрал:

«Не знаю. Но она знала, что мне нравится».

«Это больно. Я знаю. Меня тоже два раза бросали».

«А потом отчим дома наорал. Тварь, – сообщил Роман. – А мать из дома гонит. Гости у них будут. А я лишний».

«Что ты чувствуешь сейчас?»

Роман уныло посмотрел в окно. Он ощущал себя пустой оболочкой, сухой и хрупкой, как старая, покрытая сеткой трещин змеиная кожа. Уже сброшенная и никому не нужная, обреченная засохнуть и исчезнуть...

«Мне все надоело. Иногда думаю – на фиг вообще живу на этом свете? Какой смысл жить?»

«У жизни нет смысла, – написала Мэлори. – У жизни есть вкус. Сладко – мы кайфуем. Кисло, горько – мы блюем. Жизнь – тягомотная штука, Рома. Это муторный и скучный процесс старения. Вот и все, больше ничего. Вот представь себе среднестатистического мужика. Он корячится, пыхтит, ходит на работу, в магазин, покупает всякие шмотки... А потом его, к примеру, сбивает машина. А он кредитов набрал. Или у него дети остались маленькие. И жена при всех плачет, а ночью втихаря проклинает. Мол, что же мне теперь делать одной?»

Пока Роман, немного ошарашенный, думал над тем, что вдруг ему выдала новая знакомая, от нее пришло очередное письмо:

«Я разочаровалась в жизни. Каждый день одно и то же. Серые, одинаковые дни, которые сливаются в монотонный туман. Как уходящая в небеса бесконечная унылая лента. И конца этому нет. Ты когда-нибудь думал о том, что нас ждет *там*?»

– Там? – пробормотал вслух сбитый с толку Роман.

«Ты говоришь о смерти?» – написал он.

«Я говорю о другом мире. Который ждет всех нас после того, как часы отобьют последний час».

«Нет, – признался Роман. – Не думал».

«Там необычайно спокойно и тихо»

Юноша нервно поерзал на стуле, чувствуя, что его лоб покрылся испариной.

«Откуда ты знаешь?» – полюбопытствовал он.

«Потому что я уже пыталась уйти *туда*».

Роман вытер рукавом взмокший лоб.

«Зачем?!»

«В 13 лет меня изнасиловали. Их было двое. Вечером в подъезде они затащили меня на крышу. Их потом нашли, но быстро отмазали – родители крутые оказались. Я пыталась повеситься. Висела почти целую минуту. Меня старший брат вытащил из петли. Зря, наверное. Через год он сторел с друзьями на даче. Много выпили, и кто-то уснул с сигаретой. Но это неважно. У меня на шее шрам теперь. Я все время шарфики ношу. Выслать фотку? В смысле, шрама, а не шарфика».

Роман был потрясен. Он вновь и вновь перечитывал послание девушки, даже не представляя, что в таких случаях следует говорить. Утешать? Но Мэлори явно не из тех, кто нуждается в словах поддержки. Стоит только посмотреть на фотки, размещенные на ее страничке. Как говорят, из таких девчонок гвозди можно делать...

«Если ты хочешь...» – написал он, и тут же пришло очередное письмо с приложенной фотографией. На ней была изображена худенькая девичья шея, которую опоясывал уродливый шрам багрового цвета.

«Потом я резала руки. Откачали. Хм. Но это ничего не меняет», – известила Мэлори. – Я уже была *там*. И поверь. Если бы была возможность, я оттуда бы не возвращалась».

Глубоко вздохнув, Роман набрал:

«Почему?»

«Потому что там никто не предаст. Не врет. Не лезет к тебе в трусы и в душу, – объяснила Мэлори. – Но мое время пока не наступило...»

Роман почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод.

Пока не наступило...

«Если ты обещаешь хранить секрет, я кое-что расскажу тебе», – написала Мэлори.

«Конечно. Я – могила», – без раздумий ответил Роман.

«Аха-ха! Классно сказано, могила! В общем, я как-нибудь пришлю тебе ссылку на очень крутую группу. Там все по-взрослому. Она закрытая, потому что случайных людей там нет. Понимаешь?»

«Нет», – честно ответил юноша.

«Ну, пока и не надо. Главное – полная тайна. Договорились? Я могу тебе доверять, Рома?»

«Конечно!»

«Киты снова плывут вверх?»

«То есть?» – с недоумением ответил Роман.

«Так говорят, когда дело близится к исходу», – пояснила Мэлори.

«Ясно», – ответил парень, начиная догадываться, что именно имела в виду его странная знакомая. Перед глазами мелькнул образ несчастного кита, валяющегося на берегу под палящими лучами солнца.

«Он устал жить», – вспомнил он комментарий под жуткой фотографией.

«Ты еще не ложишься спать?» – спросила девушка, и Роман ответил, что нет.

«Тогда послушай еще одну историю. Это из реальной жизни. И, кстати, главный герой очень похож на тебя. То есть ситуации у вас одинаковые... Однажды этот парень полюбил одну красивую девушку. Но...»

Так они проговорили почти всю ночь, и лишь в начале шестого Роман, выжатый как лимон, с гудящей головой и красными глазами, повалился в кровать.

Визит

В дверь палаты постучали, и Карина, стоявшая у окна, удивленно обернулась. Врач ее уже осмотрел, тем более у них вообще не принято стучать в дверь пациентам. Кто бы это мог быть? Может, уборщица?

– Открыто! – произнесла она, и внутрь вошел Артем. На адвокате был свежий костюм, в руке покачивался увесистый пакет.

– Доброе утро, – улыбнувшись, произнес он. – Как мы сегодня себя чувствуем?

– Здравствуйте, – смущенно ответила женщина. – Спасибо, намного лучше.

Карина была необычайно рада визиту Артема, и ей вдруг стало стыдно за свои вслохоченные волосы и измятые, в грязных разводах джинсы, которые она только что сняла с батареи.

Между тем от нее не ускользнуло, что Павлов гладко выбрит и на его лице нет даже намек на утомленность или усталость, хотя Карина прекрасно знала, что ее неожиданный спаситель в лучшем случае смог поспать от силы пару часов, так как уехал из больницы, куда их доставила «Скорая», глубокой ночью.

– Глядя на вас, никогда бы не поверила, что несколько часов назад вы плавали в Москве-реке, – сказала она. – И не просто плавали, а спасли незнакомую женщину.

– Мы же вроде на «ты» перешли, – напомнил Павлов, ставя пакет на стол.

– Прости, забыла. Как-то непривычно называть на «ты» столь известную личность, – призналась женщина. – Я как-то со знаменитостями не часто купаюсь. – Она грустно усмехнулась.

Между тем адвокат, не обращая внимания на ее печальный сарказм, по-хозяйски уверенно выложил наружу яблоки, груши, виноград, а также упаковки сока. Карина всплеснула руками:

– Артем, куда мне столько?! Этого на неделю хватит!

– Вот и отлично, – кивнул адвокат, присаживаясь на стул. – Я еще тебе пару книг взял, обязательно найди время и прочти. Восточные притчи о разных случаях в жизни. Да, вот еще кроссворды, чтобы не скучала. Ручку прилагаю. Скучать не будешь?

– Постараюсь занять себя. Еще раз спасибо за заботу. Меня, наверное, завтра уже выпишут, – нерешительно предположила Карина.

– Об этом не волнуйся. Как только состояние твоего здоровья не будет вызывать опасений, тебя выпишут. Да, кстати. Что ты сказала врачам, которые тебя обследовали? Они интересовались, как ты оказалась в воде?

Она вздохнула.

– Я решила не говорить правду. Просто сообщила, что слишком сильно перегнулась за перила. Мол, услышала, что внизу, в воде, громко мяукает кошка. Хотела спасти, нагнулась... Вот я и шлепнулась вниз. А ты ехал мимо, выскочил из машины и прыгнул вслед за мной.

Немного помолчав, Артем мягко произнес:

– Карина, я, конечно, люблю фантазировать, но точно не сторонник вранья... Скажу тебе прямо... в данном случае ты поступила правильно. Не нужно доктору знать подробности, побудившие тебя оказаться по другую сторону перил.

– Догадываюсь, – мрачно проговорила женщина. – Меня могли отправить в психушку. Так?

– Ну я не стал бы утверждать это со стопроцентной уверенностью, – пожал плечами Артем. – Вероятно, на первый раз с тобой специалисты провели бы беседу. Но на учет в психоневрологический диспансер вполне могли бы поставить. А это в значительной степени осложнило бы твою жизнь в дальнейшем. Понимаешь?

Павлов перехватил пронзительный взгляд своей новой знакомой и твердо произнес:

– Да, Карина. После этой ночи у тебя началась новая жизнь. И от того, как скоро ты снова встанешь на правильные рельсы, зависит по большому счету от тебя самой. Ты должна жить. Ты обязана жить. Теперь за двоих! Этого бы хотела твоя дочь.

Карина отвернулась, плотно сжав губы.

– Мы с тобой коротко поговорили сегодня ночью. Сама понимаешь, присутствие санитаров не сильно располагало к откровениям, – продолжил Артем. – Если хочешь, мы можем сделать это сейчас. Ты готова?

Несколько секунд Карина неподвижно смотрела в одну точку, затем повернулась к Павлову:

– Наверное, в твоих глазах я выгляжу ненормальной душой?

– Карина, перестань, – сказал Артем. – Мы обыкновенные люди. Со своими достоинствами и недостатками, у каждого свои тараканы. Кто-то может без труда справиться со стрессом, а кому-то требуется помощь. Ты не должна винить себя в том, что случилось. Не нужно жить прошлым. Мир таков, что все, происшедшее с тобой, нужно принять как данность. Ты не в состоянии вернуть события, которые уже произошли и канули в прошлое. Поэтому наша главная задача – разобраться в проблеме и каким-то образом начать жить заново. Надо создавать будущее! Ты согласна со мной?

Карина кивнула.

– Тогда я тебя внимательно слушаю.

– Ну, раз так, – промолвила женщина. – Я начну, как говорят, с меркантильной стороны дела. После того как я потеряла Сашу, меня сократили на работе. Нашего директора поймали на взятке, и новое руководство особенно не церемонилось с персоналом. Квартира, в которой мы проживали с дочкой, была куплена по ипотеке, и у меня возникли просрочки. Банк не стал долго церемониться и обратился к коллекторам. С учетом набежавших процентов и общей суммы долга мне нужно выплатить более трех миллионов. Коллекторы свое дело знают. Во всяком случае, моя и без того невыносимая жизнь превратилась в самый настоящий ад. Я уже привыкла к звонкам по ночам, угрозам и исписанной похабщиной двери. Но, как мне кажется, это только начало.

С губ Карины сорвался вздох.

– Я пробовала устроиться на другую работу, но меня словно сглазили – ни одного успешного собеседования. После похорон Саши мне едва хватает на хлеб.

Павлов с непроницаемым лицом слушал повествование женщины, сложив перед собой руки. Видя, что Карина замолчала, он осторожно спросил:

– Банк переуступил свои права по взысканию с тебя долга коллекторскому агентству? Или тебя просто запугивают?

– Я не знаю, ничего не понимаю... – устало ответила Карина. – Но... из банка тоже постоянно звонят.

– Хорошо, поставим вопрос иначе. Банк уведомлял тебя о том, что теперь твой долг вправе взыскивать коллекторы?

Женщина покачала головой.

– Я никаких писем или уведомлений от банка не получала.

– Значит, они просто прощупывают тебя на прочность, – сделал вывод Артем. – Нужно собрать все документы, какие в настоящий момент у тебя на руках, и обратиться в банк, в котором ты оформляла ипотеку. Уверен, что можно добиться реструктуризации долга. Ну рассрочки или отсрочки по выплатам банку. Банк не заинтересован, чтобы довести тебя до ручки, ему нужно вернуть свои «кровные». Что касается ночных звонков и угроз так называемых коллекторов... Похоже, ребята просто заигрались. Это чистой воды криминал. Сегодня же составим заявление в местный отдел полиции и прокуратуру, пусть проводят проверку.

– В прокуратуру?

Карина выглядела испуганной.

– Именно. Даже если это официальное коллекторское агентство, зарегистрированное в реестре, они не имеют права выходить за пределы своих полномочий. Новый закон запрещает ночные звонки, я уж молчу про угрозы и порчу твоего имущества. Ничего не бойся. Свои права нужно отстаивать. Да, к слову. Ты кто по профессии?

– Бухгалтер.

– Хм...

Павлов на мгновение задумался, подперев подбородок кулаком. Бросив совершенно случайный взгляд, Карина с удивлением отметила, что руки медийного адвоката не выглядят изнеженными.

«Похоже, этими руками он может не только бумаги перебирать или подписи ставить, – пронеслась у нее в голове мысль, – но и дать хороший отпор, когда это потребуется...»

– Ближе к вечеру я позвоню тебе, – наконец сказал Артем. – Мне нужно переговорить кое с кем, и, возможно, мы решим эту проблему. Ты ведь не против вернуться к работе? В качестве бухгалтера?

– Конечно, – пролепетала Карина. Все происходящее начало казаться ей фантастическим сном. – Спасибо... я хотела сказать...

Она поймала взгляд адвоката, цепкий и пристальный, и с трудом выдержала его.

– Нет. Сейчас не об этом! Ты не все рассказала мне, – спокойно произнес Павлов.

Карина молча смотрела адвокату прямо в глаза. Где-то в отдаленных закоулках сознания внутренний голос шептал, мол, никакой пользы от того, что сейчас она изольет душу случайному знакомому, не будет.

«Зачем ему знать это? Чем он сможет помочь мне?» – в смятении подумала она, нервно покусывая губы.

– Карина, я тебя не тороплю. Сейчас самое главное – прийти в себя. Найти себя, если так можно выразиться. Вспомни, как ты выныривала сегодня ночью. Как хватала ртом воздух. Помнишь?

– Еще бы, – невольно улыбнулась женщина.

– Ты должна сделать то же самое, только в своем сознании. Понимаешь? Поднимись на поверхность, фыркни, стряхни с себя воду, оглянись по сторонам!

– Ты умеешь убеждать, Артем, – тихо сказала Карина. – Не знаю, но почему-то я тебе безоговорочно верю. Поэтому и расскажу все, как было. О своей дочери. Но... Не пожалеешь? Вникать в чужое горе – это не сказки на ночь слушать. Ты и так столько время на меня потратил...

Павлов развел руки в стороны:

– Я не умею лицемерить. И не верю в случайность. Если Бог тебя послал мне этой ночью, или, наоборот, меня свалил тебе на голову, кстати, в прямом смысле, значит, так было угодно судьбе. И меня бы тут не было, если бы меня не волновали твои проблемы. Так что после сегодняшней ночи я несу ответственность за тебя. Да-да, не удивляйся. Помнишь восточную мудрость? «Спасший жизнь человеку теперь в ответе за его поступки». А теперь расскажи мне про Сашу.

Карина снова вздохнула.

– Когда мы развелись с мужем, я отдалилась от нее. В какой-то момент я просто настолько погрузилась в свои проблемы, что совсем перестала уделять ей внимание. Я жила своей жизнью, она своей. У меня работа и подруги, у Саши – Интернет. Она почти не вылезала из Сети. Завтракала и ужинала в комнате... Выйдет только, чтобы с Тимом погулять или умыться перед сном.

– Тим, как я понял, это собака? – уточнил Артем.

– Да, эрдельтерьер. Одно время Саша была просто без ума от него. Ну... У дочери были подружки, и она даже приводила несколько раз их домой. Но в последние два месяца она была совершенно одна. Я даже не припомню, чтобы она с кем-то говорила по телефону.

– У Саши был молодой человек?

Карина задумчиво скрестила на груди руки.

– Она общалась с каким-то Мишей. Я его видела всего один раз, и мне сложно сказать, какие между ними были отношения. Но мне известно, что буквально за несколько минут до смерти Саша звонила ему.

Голос женщины дрогнул, словно она случайно споткнулась на ровном месте.

– Я... еще вернусь к этому моменту, – проговорила она. – В тот день она вскочила ни свет ни заря. Подхватила Тима и на улицу. Причем у меня возникло ощущение, что она не собиралась брать собаку с собой. Просто я тоже встала рано и застала ее в дверях. Понимаешь? Саше был нужен повод, чтобы уйти так рано!

Павлов кивнул.

– Я сто раз проигрывала в памяти эту ситуацию... Боже, почему мое сердце мне ничего не подсказало? А потом... Потом мне позвонил в дверь сосед. Сказал, мол, что-то с дочерью случилось, на стройке ее нашли.

Карина всхлипнула.

– Ее обнаружили на башенном кране. А этот кран стоял в нескольких метрах от недостроенной многоэтажки. То есть Саша не смогла бы в одиночку привязать веревку к крюку, понимаешь? Я... я прибежала на стройку, когда мою дочь уже заворачивали в черный мешок!

Она вытерла глаза, уже не сдерживая слез.

– В песке я нашла ее телефон. Я выяснила, что Саша дважды звонила Мише, и сообщила об этом следователю. Но он только отмахнулся от меня. Я пыталась сама поговорить с парнем, но его родители не разрешают мне приближаться к их сыну... Говорят, мол, он сам в шоке, вы его психику травмируете. И у него якобы развилась депрессия. Когда Саша ему звонила, его мобильник был вне сети. Он просто спал, а его телефон был выключен.

Карина снова обратила свой взор в окно.

– Представляешь, Артем? – тихо произнесла она. – Моя дочь в петле, а у него депрессия. Если бы Саша дозвонилась до него, вероятно, все было бы иначе... Мне кажется, я ненавижу его!

– Карина, успокойся. Может, парень и правда ни при чем, – сказал Павлов. – Это отдельная тема, и мы еще вернемся к ней. Что тебе еще стало известно?

– В телефоне Саши было одно странное сообщение. Там было всего одно слово: «Струсил?» И, судя по всему, это сообщение поступило на телефон моей дочери буквально за пару минут до смерти.

Услышав это, Артем словно весь подобрался, как пружина.

– Вот как? Ты говорила об этом следователю?

Карина раздраженно махнула рукой.

– Говорила, а что толку? Сказали, мол, разберемся. А дальше тишь да гладь.

Карина отошла от окна. На ее бледном лице застыла решимость человека, готового идти до конца.

– Артем, я уверена, что Саша не могла самостоятельно уйти из жизни. Кто-то «помог» ей в этом ужасном деле. Она очень спешила в то утро, как будто ее кто-то торопил – раз. Привязанная к крану веревка – два. Такое ощущение, что эту виселицу специально приготовили... Странное сообщение по телефону – три. Кому понадобилось провоцировать Сашу? Зачем эти подначивания «на слабо»? Я бы глаза выцарапала этой нелюди, что такие вещи вытворяет!

Карина перевела дух. Она обхватила виски ладонями, словно испытывая головную боль.

– И потом, пока я поднималась на крышу, я внимательно оглядывалась. Артем, кроме прочего, стены в этом заброшенном доме были изрисованы странной тематикой... Виселицы всякие, прощальные слова... Бабочки, увядшие цветы. Киты.

– Киты? – переспросил Павлов.

– Да. Понятия не имею, что это означает, – промолвила женщина.

– Ты сказала, что Саша большую часть времени проводила в Сети.

– Это так. После того как все случилось, я попыталась войти в ее ноутбук, но у меня ничего не вышло – она поставила пароли почти на все программы. Со своего планшета я зашла на ее страничку в одной из групп, которых тысячи в социальной сети, – «Среди друзей». И знаешь что, Артем? В день смерти, где-то через час, как все произошло – я сверяла по часам – на странице Саши появилась странная надпись: «Ты сильная». К сожалению, аккаунт человека, который оставил этот комментарий, впоследствии был удален.

– Кто хоть это был? Имя, фамилия? Или просто ник? – задал вопрос Павлов.

Карина пожала плечами.

– Я сейчас не помню, но у меня где-то записано. Ты думаешь, после нескольких месяцев это имеет значение?

– Как знать, – уклончиво ответил Артем. Он побарабанил пальцами по столу, затем встал.

– Где сейчас ваша собака?

– Нигде, – угрюмо ответила Карина. – Тим долгое время просто сидел у забора и выл. Был так, что у меня мурашки по коже бежали. Я попыталась увести его домой, но он не давался, а потом попросту сбежал. Несколько раз я видела его в парке – грязный, отошавший. Но он не подпускает меня к себе. Он... как будто считает, что это моя вина в смерти Саши. В общем, так оно и есть.

Она вскинула голову, густые каштановые волосы рассыпались по плечам женщины.

– Карина, я понимаю... нет, я и представить не могу, насколько тяжело тебе, но пойми и ты... мы не можем ходить по кругу, если хотим найти виновника твоих бед. – сказал Артем. – Не съдай себя, не мучай! Все, что ты рассказала, имеет важное значение. Из твоих слов можно сделать вывод, что о предстоящей трагедии с Сашей кто-то знал! Ведь кто-то прислал ей СМС перед тем, как все случилось?

– Я в этом не сомневаюсь.

– Значит, нужно выяснить, что это за человек и какой интерес он преследует, занимаясь подобным.

Артем шагнул к ней.

– У тебя есть родственники?

– Двоюродная сестра, – безразлично ответила Карина. – Живет в Химках. А что?

– Отношения хорошие?

– Более чем. Если бы не она, я даже не знаю, как бы с похоронами справилась, – призналась Карина.

– Переезжай к ней на время. Или уговори ее переехать на время к себе – ты ведь говорила, что у тебя «трешка»?

Карина задумалась.

– Ты не должна оставаться одна, – терпеливо объяснил Павлов. – Понимаешь?

– Я подумаю.

– Думать нечего. В твоей ситуации кто-то из близких обязательно должен находиться рядом.

Он мягко положил ей руку на плечо.

– Поверь мне. Мы справимся с этим. Ты должна верить в свои силы. Карина, жизнь продолжается. И несмотря ни на что, она бывает удивительной и прекрасной, поверь.

– Спасибо тебе. Спасибо, – прошептала она.

– А сейчас отдыхай. Я тебе позвоню, – пообещал Артем. – Обязательно позвоню.

Знакомство

Выйдя за пределы больницы, Павлов заглянул в крохотный магазин, расположенный в соседнем доме. Карты к оплате временно не принимали, и он долго рылся в карманах в поисках мелочи, чтобы купить бутылку минералки.

В машине он сделал несколько глотков, утолив жажду.

«Нужно снять немного наличности, – подумал он машинально, заводя машину. – Для подобных случаев».

Павлов вновь и вновь прокручивал в голове недавний разговор с Кариной.

Она явно не оправилась от удара, вызванного потерей единственной дочери. Это было понятно. Не каждому человеку по силам перенести такую страшную трагедию. При этом то, что прошлой ночью он спас ее от смерти, – просто чудо. «Даже не чудо», – поправился адвокат, выруливая автомобиль на запруженную транспортом улицу. Это ее фантастическое везение, и она должна понимать это.

Впрочем, вспоминая выражение лица и глаза женщины, Павлов скептически покачал головой. Нынешнее психологическое состояние Карины было настолько хрупким, что одно неосторожное слово могло вновь возродить в ней желание скорее распрощаться с собственной жизнью. Чтобы выкарабкаться из этой коварной гнилой ямы, ей необходимо побороть саму себя и в первую очередь вытеснить любые мысли о суициде, а сделать это можно было, только погрузившись с головой в какое-то важное дело, требующее активной работы серого вещества, то есть мозга, и, конечно, душевных сил.

Помня свое обещание помочь Карине с работой, Артем достал мобильник и сделал несколько важных звонков. Один из его бывших клиентов, директор департамента кадров столичной энергетической компании, пообещал ему помочь, попросив выслать резюме Карины.

Боковым зрением адвокат заметил мелькнувшую рекламную вывеску нужного банка и принял правее. С трудом втиснувшись среди припаркованных автомобилей, Артем вышел из автомобиля, быстрым шагом направившись к банкомату. Сунул карточку в картоприемник, машинально набрал ПИН-код, в появившемся окошке указал запрашиваемую к выдаче сумму и стал ждать выполнения операции. Внутри что-то нудно жужжало и поскрипывало, а на экране тем временем застыло «Ждите, операция выполняется».

«Что-то долго она выполняется», – подумал Артем.

Банкомат продолжал издавать подозрительные звуки, словно безуспешно пытался переварить в своем напичканном электроникой желудке проглоченную карту.

Неожиданно на экране высветилось:

«Извините, произошла ошибка. Обратитесь в службу поддержки».

Павлов с шумом выпустил воздух сквозь сжатые зубы.

Этого еще не хватало. Что за невезуха!? То в магазине не берут карту, то эта механическая тварь отказывает! Жили же люди раньше и не тужили без этих пластиковых разводов.

Он нажал на клавишу «отмена». Ноль реакции, картинка на экране осталась прежней. Павлов издал глухой стон. Его постоянные партнеры по спаррингу знали, что после этого он обычно наносит серию своих самых отработанных сокрушительных ударов. Банкомат этого, конечно же, не знал... Адвокат еще раз глубоко вздохнул и достал из памяти когда-то прочитанную инструкцию о том, что любой банкомат при проведении операции обращается к так называемому процессинговому центру и бывают случаи, когда этот самый центр дает сбой, посылая в банкомат неверный сигнал. К примеру, что карта клиента заблокирована или просрочена, после чего банкомат с готовностью «проглатывает» карту. Ненасытное банковское чудовище так и поступило с его картой. Бить было бесполезно и незаконно, оставалось одно – жаловаться.

Артем достал телефон и набрал номер службы поддержки, указанный справа от экрана.

«В настоящий момент все операторы заняты... примерное время ожидания составит...» – услышал он.

– Эй! Это ваша машина?! – неожиданно раздался мужской голос, и Артем резко обернулся. Возле его иномарки стоял худощавый парень лет двадцати пяти в темной кожаной куртке, выжидательно уставившись на адвоката. Рядом с незнакомцем стоял небольшой скутер довольно потрепанного вида.

– Что-то случилось? – спокойно спросил Павлов. Из телефона слышались гудки – линия, соединяющая его со службой поддержки, оборвалась.

– Конечно! – раздраженно прокричал парень, взмахнув рукой, в которой держал шлем. – Он еще спрашивает! Ты меня на светофоре подрезал, я чуть на тротуар не вылетел! Крыло поцарапал! И вообще, я...

– Во-первых, не «тыкайте», – оборвал его Павлов, подходя к машине. – Во-вторых, у меня большие сомнения насчет ваших обвинений. На моей машине установлен видеорегистратор. Можем посмотреть запись, и вы убедитесь, что я вас не «подрезал».

– Ха, – фыркнул молодой человек. Он ткнул пальцем в исцарапанное крыло своего скутера:

– Смотрите. Вон, видите? Это ваша работа!

Павлов внимательно посмотрел на исцарапанную глубокими царапинами поверхность крыла.

– И вот. У вас на бампере след!

Парень торопливо шагнул к «Ягуару» Артема, указав на бампер. Присмотревшись внимательнее, адвокат увидел справа едва заметную потертость.

«Это с легкостью можно сделать, к примеру, наждачной бумагой», – вспомнил он недавно прочитанную статью про «автоподставщиков».

– Вызывайте инспектора ГИБДД, пусть он разбирает конфликт, – предложил Артем, внимательно следя за выражением лица мужчины. Он видел, что тот явно нервничал.

– Зачем сразу ГИБДД? – буркнул он, пряча взгляд. – Хотел по-человечески...

– На каком светофоре это произошло? – спросил Павлов.

Скутерист уже открыл рот, чтобы ответить, как в кармане Артема пискнул телефон, извещая о поступившем сообщении. Павлов инстинктивно вынул мобильник и, взглядевшись в экран, нахмурился. Банк сообщал о списании с его карты пятидесяти тысяч рублей.

Адвокат повернул голову в сторону банкомата и увидел, как оттуда быстрым шагом удалялась невысокая девушка в джинсах и мешковатом свитере-толстовке. Ее голова была закрыта капюшоном

– Эй, дамочка, постойте! – крикнул Артем, бегом направляясь к незнакомке.

«Развели, – промелькнула у него мысль, как только он услышал за своей спиной звук затарахтевшего скутера. – Развели, как щенка».

Девушка побежала. Ее худенькие ноги, обтянутые рваными светло-голубыми джинсами, мелькали в нескольких метрах от Павлова. Мошенница внезапно сделала обманное движение вправо, словно намереваясь скрыться в салоне связи «Билайн», затем вдруг резко рванула вперед, после чего метнулась к проезжей части.

– Быстрее! – вопил тем временем скутерист, который все время катил вдоль тротуара. – Давай!

На своем пути девушка в толстовке столкнулась с юной парой подростков, которые что-то увлеченно обсуждали, взявшись за руки. От удара девушка едва не упала, а у парня из рук выпало мороженое.

– Смотреть надо, куда прешь! – возмущенно воскликнул юноша, но убегающая лишь показала ему средний палец. Через мгновение она была на заднем сиденье скутера, и Артем понял, что сейчас он попросту упустит их.

И эти двое наглецов, которым с такой легкостью удалось обвести его вокруг пальца, сняв с его карты деньги, через секунду растворятся в потоке автомобилей, как дым.

Стиснув зубы, он пронесся мимо припаркованных автомобилей и буквально вылетел на мостовую, приблизившись к скутеру. Мини-байк уже начал набирать скорость, но в последнюю долю секунды пальцы адвоката железной хваткой вцепились в капюшон беглянки. Резкий рывок – и девушка, беспомощно раскинув руки, неуклюже свалилась прямо на асфальт, вскрикнув от боли и неожиданности. Скутер, вильнув от внезапной потери равновесия, ушел влево, чуть не врезавшись в проезжавшую мимо «Ауди», затем, выровнявшись, поехал прочь.

Павлов шагнул к лежавшей на дороге девушке. Капюшон с ее головы слетел, выпустив наружу копну густых волнистых волос. Артем с удивлением отметил, что половина шевелюры незнакомки была черной как смоль, вторая же отливала жгучей медью.

Он наклонился и, крепко обхватив ее запястье, поднял мошенницу на ноги. Она охнула, держась за поврежденное при падении бедро.

– Деньги, – коротко приказал Павлов.

Девушка взглянула на адвоката, и, невзирая на сложившуюся ситуацию, тот не мог не отметить, что она довольно привлекательна.

– Девушка, не испытывайте мое терпение, – сказал Артем и глухо вздохнул.

От него не ускользнуло, что на какое-то мгновение девушка даже попыталась напустить на себя вид незаслуженно оскорбленного человека, но, еще раз посмотрев в глаза Павлова и услышав его боевой гортанный вздох, она шустро полезла во внутренний карман толстовки. На протяжении всего этого действия адвокат продолжал крепко держать ее за руку.

– Отпустите, больно, – взмолилась она, но Павлов даже бровью не повел. Раздвинув купюры веером, он быстро сосчитал деньги. Все, как и есть, пятьдесят тысяч.

– А теперь ты вернешь мне карту, – сказал он, направляясь к банкомату. Неформалка, прихрамывая, семенила рядом.

– Я... я не умею, – ответила она, откинув со лба прядь ярко-оранжевых волос. – Этим Витька занимается.

– Витька – это тот, что бросил тебя, укатив на своем «Харлее»? – осведомился Артем.

Девушка поджала губы. Было видно, что она не ожидала подобного исхода и что ее фактически оставили на произвол судьбы.

– Ему нельзя светиться. Если его менты заметут, то загребут в армию, – неожиданно сказала она. Павлов покосился на нее.

– Полагаю, армия – самое лучшее, что светит твоему приятелю, если вас задержат. Звони своему Витьку. Пусть возвращается и вытаскивает карту, – велел Артем.

– И тогда ты отпустишь меня? – с надеждой спросила девушка.

Адвокат усмехнулся.

– Как законопослушный гражданин, я обязан тебя сдать полиции. И я это сделаю.

Лицо незнакомки побледнело.

– Послушай, мне нельзя в тюрьму, – нервно проговорила она. – У меня в семье...

– Мы теряем время, – перебил ее Артем. – Звони!

Трясущейся рукой из кармана джинсов девушка извлекла мобильник и, выбрав из телефонной книги нужный номер, принялась с нетерпением ждать ответа.

– Молчит, – подавленно проговорила она после минутного ожидания.

– Ну, я не удивлен, – сказал Артем. – Он уже наверняка где-нибудь во дворах своего «железного коня» бросил, а сам к метро пробирается.

– Нет. Он просто не слышит моего звонка.

Выждав пару минут, девушка снова нажала кнопку вызова.

– Але?! Витя! – встрепенулась она, услышав в трубку голос напарника. Украдкой она торжествующе взглянула на адвоката, с хладнокровным видом взирающего на проносившиеся мимо автомобили. При этом он продолжал стальной хваткой сжимать ее левую руку, лишая любой возможности вырваться и сбежать.

Закончив разговор, девушка просительно заглянула Павлову в глаза:

– Он сейчас приедет. Теперь ты отпустишь меня? Пожалуйста. Я ведь вернула деньги.

Несколько секунд Артем молча смотрел на мошенницу. Та стояла, слегка ссутулясь, поджав ушибленную ногу, и Павлов, держа ее за руку, чувствовал, как по телу незнакомки пробежала мелкая дрожь.

– Мне нельзя в тюрьму, – повторила она. Шмыгнула носом, видя, что Артем даже не намеревается ослаблять хватку.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Девушка непонимающе уставилась на адвоката.

– Чч... чего?

– Твое имя, – терпеливо объяснил Павлов, словно имел дело с несмышленным ребенком.

– Марьяна. Зачем тебе?

– Пошли в машину. Там и поговорим.

Марьяна устало прикрыла веки.

– О чем? Мне мораль поздно читать.

– Идем, – сказал Артем, и девушка подчинилась.

Открыв дверь, она на мгновение замерла:

– А ты этот... случаем, не маньяк? А, дядя?

– Садись.

Захлопнув за мошенницей дверь, Павлов быстро обошел машину и сел на водительское сиденье.

– Давно этим занимаешься? – задал он вопрос.

– Год, наверное, – пожала плечами Марьяна.

– И что, такое с тобой сегодня впервые?

– Впервые, – кивнула она, разочарованно вздохнув. – Быстро ты... сообразил.

Тем временем к банкомату, оглядываясь, подошел тот самый молодой мужчина в кожаной куртке. Шлема в его руках уже не было.

– Вон и Витя. А ты не верил, – сказала Марьяна, и в ее голосе прозвучали победные нотки.

– У меня все перед глазами плывет, – пожаловалась она. – Башкой ударилась об асфальт. Если бы не капюшон, сейчас бы не у тебя, а в катафалке сидела. Точнее, лежала. И нога болит, ох...

Она театрально закатила глаза, но Павлов затормошил ее за плечо.

– Зачем тебе деньги? – прямо спросил он. – Говори правду.

Марьяна приблизила к лицу пыльную ободранную ладонь, делая вид, что в настоящий момент содрванная заусеница волнует ее больше всего на свете.

– Правду? А ты поверишь мне? – тихо спросила она. – Знаешь, сколько раз мне ржали в лицо, когда я рассказывала, зачем мне нужны деньги? И я готова была плюнуть в морды этих бездушных тварей!?

– А ты попробуй, – спокойно предложил Павлов, глядя на серьгу, поблескивающую в брови девушки. – Потому что от твоего рассказа зависит, уйдешь ли ты отсюда сама, или за тобой приедет полиция.

Марьяна отвернулась.

– Сестра у меня еле ходит. Машина ее сбила четыре года назад. Ей уже под тридцать, а она еле в туалет добирается, на костылях. Мама пенсионерка, за ней ухаживает. Операция

стоит почти полтора ляма. Если меня сейчас оприходуют, я как-то переживу. А вот сестра так и будет на костылях хромать. Если сейчас операцию не сделать, дальше будет только хуже. Возможно, она вообще сляжет. Вот так.

На лице Артема не дрогнул ни один мускул.

– И ты не нашла ничего лучше, чем воровать деньги с чужих карточек? Ты осознаешь, что совершаешь преступление?

– А что ты предлагаешь? – огрызнулась она. – Я студентка! Курьером подрабатывать за пятнадцать тыщ в месяц? Или листовки у метро раздавать? У меня нет выхода!

– Где ты учишься?

– Институт компьютерных технологий, – пробурчала Марьяна. – Четвертый курс.

К автомобилю нерешительно приблизился приятель девушки, остановившись на безопасном расстоянии. Заметив его, Артем сказал:

– Забери у него карту.

Марьяна махнула напарнику рукой, и тот торопливо просунул карточку в открытое окно, после чего быстро отошел назад.

– Ты его не задержал, – произнесла девушка, и это прозвучало одновременно вопросом и констатацией очевидного факта.

– Не задержал, – согласился Артем. – Кстати, помимо кражи твоему товарищу еще вполне можно вменить статью за автоподставу. Понимаешь?

– Понимаю, не дурочка.

– Замечательно. И что теперь прикажешь с тобой делать? – спросил Павлов.

– Понять и простить, – угрюмо отозвалась девушка. Она вытянула вперед руки, скрестив кисти. – Вяжи меня, начальник. Вот такие мы испорченные люди.

– В компьютерных технологиях хорошо разбираешься? – вдруг спросил Артем. – Судя по тому, каким делом вы занимались, у тебя неплохая подготовка. Как ты учишься, кстати?

Марьяна насупленно взглянула на Павлова, будто чувствуя в его словах подвох.

– Нормально. Преподы не жалуются.

Адвокат покачал головой.

– Это еще ни о чем не говорит. Предмет можно вызубрить на «отлично» и ничего при этом не соображать.

Глаза девушки блеснули азартом.

– Не соображать, говоришь? Напиши мне свое «мыло», и я через час всю твою переписку в Интернет выложу! Спорим?

Павлов забарабанил пальцами по рулевому колесу.

– Пароли тоже вскрывать умеешь? К примеру, в социальных сетях?

Марьяна снисходительно фыркнула, словно Артем спросил ее, умеет ли она считать до десяти.

– Разумеется, могу. И еще много чего умею.

– Эх, такие бы мозги да в мирное русло, – пробормотал Артем. – Давай сюда студенческий билет.

– Билет? – удивленно переспросила девушка.

– Именно.

Словно ища поддержки, она посмотрела на своего напарника, который переминался с ноги на ногу в нескольких метрах от машины адвоката.

– Марьяна, билет. Или ты мне соврала? – прищурился Артем. – И никакая ты не студентка?

– Нет, здесь я не соврала, – с достоинством произнесла девушка, доставая студенческий билет. Павлов раскрыл его и сфотографировал смартфоном.

– А теперь набери мой номер, – велел он. Помедлив, Марьяна снова достала мобильник и набрала продиктованный Артемом номер телефона. Услышав звуки входящего звонка, Павлов сбросил вызов.

– Возможно, ты сможешь помочь мне в одном деле. И тогда честно заработаешь необходимые деньги. Обещаю! – сказал он, сохраняя в памяти телефон девушки. – А теперь уходите, пока я не передумал.

– Ты отпускаешь меня? – с изумлением спросила Марьяна.

– Ты слышала. И напоследок настоятельная рекомендация – завязывай с этим делом. Подумай, что в следующий раз вместо меня тебе и твоему горе-байкеру попадется, как ты сказала, маньяк. И тогда вам лучше молиться о приезде полицейских. Сейчас ты ударила ногой. А теперь представь, что вместо падения на асфальт будет нож. Или пуля.

– Хорошо. Я... подумаю, – сказала девушка, хитро улыбнувшись. – Меня, кстати, в узких кругах называют Мией.

– Вот и познакомились.

Она открыла дверь, как вдруг, спохватившись, обернулась:

– А тебя-то как зовут, добрый человек?

– Артем. Артем Павлов.

– А мы раньше нигде не встречались? Лицо у тебя больно знакомое...

– Вряд ли, – краем рта улыбнулся Артем. – Уверен, эту встречу мы бы обязательно запомнили.

– Это точно. Ну...

Мия запнулась на полуслове, потрясенно глядя на адвоката, словно у него неожиданно проклюнулся второй нос на лбу.

– Это... не может быть. Тот самый Павлов? Юрист, который!? Который дела в суде шелкает, как орешки?! Ух-ты! Вау! Искренний респект!

– Тебя ждут, – устало сказал Артем, кивнув в сторону скутериста. – Заодно передай ему, что своих бросать нехорошо.

– Спасибо, тебе, Артем Павлов, – произнесла Мия, подмигнув ему. – И удачи возле банкоматов.

Он смотрел, как девушка перекинулась парой фраз со своим приятелем, после чего они поспешили прочь.

«...Я через час твою переписку в Инет выложу», – вспомнил он слова случайной знакомой.

– Ноутбук Саши, дочки Карины, – вполголоса промолвил адвокат. – Вот где ты будешь полезна, девочка.

Счетчик

Роман, не отрываясь, смотрел в окно автобуса. Перед его глазами мелькали многоэтажки, торговые павильоны, сверкающие неоновыми вывесками, мимо неспешно-бесконечной вереницей ползли машины, изредка кто-то из водителей пронзительно сигналил, требуя уступить дорогу...

«И у каждого из сидящих в этих автомобилях свои геморрой, – подумал Роман. – Кого-то бросила жена, изменив с другим. Кто-то предал своего близкого и сейчас переживает, но прежних отношений не вернуть. Кто-то украл у своей компании деньги... он пока радуется, хотя возмездие придет обязательно! А кто-то, может, вообще – убил человека. И сейчас спешит подальше от места преступления...»

Он вздохнул.

«Ну а кто-то никуда не торопится. Этим людям уже нечего терять. Они, как киты, плывут наверх...»

Автобус подъехал к остановке и открыл двери, выпуская пассажиров. «Следующая остановка...» – тщательно выговаривая слова, раздался механический голос автоинформатора.

– Ой, Ромка. Опять ты? – услышал юноша знакомый голос и повернул голову.

Это снова была Вика, та самая подруга из детства.

– Привет, – вяло поздоровался он, взглянув на девушку. Его брови слегка выгнулись – колени Вики и ее правый локоть были покрыты засохшей коркой крови. За спиной девушки висел плотный рюкзак. Она увидела, что Роман обратил внимание на ее содранные коленки, и невесело усмехнулась:

– Да, вот такие дни тоже бывают. Не поверишь, сегодня три раза навернулась. Решила не испытывать судьбу и добраться домой на автобусе...

– Бывает, – сказал Роман. – Больно, наверное?

– Потерплю.

Вика окинула старого приятеля внимательным взором. Последняя его фраза насчет боли прозвучала настолько безучастно, словно эти слова были вытолкнуты на поверхность, как пустые пластиковые бутылки, всплывшие в море, и девушку это слегка задело.

Она села рядом с Романом, стараясь ничего не зацепить своими ранеными коленками. Роман почесал ухо и снова уставился в окно.

– Второй раз с тобой сталкиваемся, – сказала Вика после минутной паузы, когда молчание стало уж совсем неловким.

– Н-да, – неопределенно отозвался юноша. Он словно ждал, что его спутница первой продолжит беседу. – Ничего в жизни просто так не случается. Веришь в карму?

Вика задумалась.

– Это когда твои поступки влияют на твою судьбу? – осторожно спросила она.

Роман снисходительно улыбнулся, и девушка подумала, что улыбка буквально преображает его лицо. Будто сквозь тучи выскользнул лучик солнца.

«Вот только эта его бледная кожа... и круги под глазами, – пронеслась у нее тревожная мысль. – Может быть, он чем-то болеет?»

Вика внезапно подумала, что Рома выглядел не просто усталым или утомленным, каким может быть человек после чрезвычайно напряженного и нервного дня. Его словно подтачивала неизведанная болезнь, постепенно истощая его организм.

– Прости, но выглядишь ты не фонтан, – не выдержала она. – И похудел... Ты что, не высыпaeшь?

– Иногда высыпаюсь. Иногда – нет, – уклончиво ответил парень. – Жизнь и так коротка, чтобы тратить ее на такую чепуху, как сон. Есть известные личности, которые спали совсем ничего, и это не мешало им стать великими. Юлий Цезарь, говорят, спал по три часа в сутки.

– Рома, но ты не Юлий Цезарь, – мягко ответила Вика. – А я – не эта... как его... Афродита.

Видя, как заиграли желваки на скулах юноши, она поняла, что шутку он явно не оценил.

– Слушай, ты меня не понял. Я вовсе не хотела сказать, что мы ... ну типа ничего не добьемся, – робко добавила Вика. – Тут все зависит от нас. Нужно только ставить цель. И тогда...

– Бла-бла-бла... Ничего мы не добьемся, – неожиданно грубо перебил ее Роман. – Есть только шкурные интересы, за которые люди предают друг друга и готовы глотки перегрызть. Мы бьемся лбами в железные двери! Вот так. И никаких целей нет. Все это дерьмо полное. Поняла?! Дерьмо!

Последняя фраза прозвучала почти как крик, и какой-то мужчина, стоявший рядом, одернул Романа. Парень встретил замечание недобрым взглядом, и тот умолк, протискиваясь подальше от озлобленного подростка.

– Рома, – тихо проговорила Вика. – Что с тобой происходит?

– Ничего, – глухо отозвался он, не глядя на девушку. – Ничего мы не добьемся. Если у тебя крутые родители – ты поступишь в хороший вуз. Точно так же и с работой. Ничего без связей не получится. Если родителям на тебя плевать – ты так и останешься тряпкой, всю жизнь. И все будут об тебя ноги вытирать. И самое лучшее, если будешь горбатиться в каком-нибудь Макдоналдсе, жарить этот долбаный картофель фри... «Свободная касса», – передразнил он пискляво, и Вика невольно улыбнулась.

– Ну, допустим, потом появятся дети. Ты их обхаживать будешь, а они сядут к тебе на шею и исчезнут, как только вырастут, – продолжил Роман. – Вот и получается, что никому ты не нужен. А когда тебя не станет, про тебя вообще забудут. Был человек, и нет его. Только могильная плита на кладбище, да и она скоро зарастет травой. Смысл? Цель твоей жизни? Портить воздух, выделять шлаки?

Он запнулся на полуслове, как робот, у которого вдруг аварийно отключились все источники питания. Сидел с застывшим лицом, тупо глядя перед собой. Вика подумала, что именно так, наверное, выглядит тухлая рыба.

– Ты куда? Домой? – полюбопытствовала она, желая переключить внимание приятеля на другую тему.

– А куда же еще? – проворчал Роман. Вздыхнув, он уныло прибавил:

– Я еду туда, куда меня еще пускают. Откуда меня еще пока не выгоняют. Потому что я не считаю ту коробку, где я ем и сплю, своим домом.

– По... – Вика даже поперхнулась от изумления. – Почему, Рома?

Юноша раздраженно махнул рукой.

– Долго рассказывать.

Вика внимательно рассматривала свои саднящие коленки, затем неожиданно произнесла:

– А я тоже домой не хочу.

– У тебя-то что произошло? – спросил Роман, недоверчиво покосившись на спутницу.

– Тебе и правда это интересно?

Роман выдержал ее пристальный взгляд и обронил:

– Не спрашивал бы, если это было бы не так.

– Родители разругались. Вдрызг. Отец маму случайно увидел в магазине с каким-то мужиком. Они обнимались.

Голос девушки дрогнул, и она выдержала паузу, чтобы привести свои чувства в порядок.

– Они вышли на улицу и пошли к машине. Отец за ними. У матери в руках букет цветов. Этот мужик отца заметил, начал провоцировать. Ну, отец не выдержал, они подрались. Так тот заявление на папу накатал, и, хотя дрались оба, дело хотят против отца завести. Мама говорит – откажись от квартиры при разводе, тогда, мол, дела против тебя не будет. Отец в шоке. Второй день как привидение ходит.

Вика вытерла повлажневшие глаза.

– Я ее не понимаю... Как можно так поступить? Отец всю жизнь с нее пылинки сдувал, любой каприз ее сразу исполнял... Она сейчас хочет, чтобы я уехала с ней, к ее любовнику, а я не хочу. Я ненавижу этого придурка, который развалил нашу семью!

Пока Вика вела свое сбивчивое повествование, Роман с мрачным видом ковырял ногтем обшивку сиденья. Когда девушка закончила, он поднял на нее взор:

– Все, что случилось, – хорошо.

Вика вытаращила глаза:

– То есть?! Как это «хорошо»?!

– А то. Этот ваш гнойник сейчас вскрылся. Если бы твой отец не наткнулся бы на свою жену, то есть твою маму, с любовником, они продолжали бы встречаться. И твоя мать продолжала бы врать отцу. Неизвестно, чем бы все это закончилось. Ладно, это все лирика... А ты куда? Тоже домой?

– Угу. Правда, моим родителям сейчас не до меня.

– Как и моим не до меня, – тихо промолвил парень.

Несколько минут они молчали, погруженные в собственные мысли, потом Роман спросил:

– Ты никогда не задумывалась, почему киты выбрасываются на берег?

Вика была сбита с толку. Какие киты? При чем тут киты?!

Между тем лицо юноши приняло мечтательное выражение.

– Представляешь, такая громадина... столько сил, столько мощи, энергии... и в какой-то момент эта многотонная махина плывет напрямик к суше. Он не болен, не ранен. Он не псих. Кит делает это сознательно. Дельфины, кстати, тоже так поступают, но реже, чем киты. А, например, акулы вообще не выбрасываются. Так вот. Кита выносят на берег волны. Через какое-то время об этом становится известно. Его обступают зеваки. Тычут пальцем, фоткаются рядом с его телом. Улыбаются. Ну, может, на место приедут гринписовцы или еще какие-нибудь защитники природы. Они вместе с другими сочувствующими пробуют оттащить кита обратно. Это непросто – на суше тело этого млекопитающего весит куда больше, чем в воде. Собственный вес кита также губительно на него действует... И вообще, это уже бессмысленно. Если кит выбросился, жить прежней жизнью в воде он уже не будет. Понимаешь, Вика? *Он так решил для себя.*

– Надо же. Никогда бы не подумала... – призналась девушка, но Роман даже не посмотрел на нее.

– Кит не хочет обратно в свою стихию. И он лежит на песке и медленно умирает. Тихо и безмолвно. Гигантское, величественное, печальное создание. Самое огромное на планете. Люди не понимают, что он чувствует в эти минуты. Как не понимают, как он страдает и вообще зачем он это сделал. Ни один ученый до сих пор не смог пояснить, с какой целью киты это делают. А если бы кит и мог сказать об этом, он бы никогда не сделал этого. Вот так. Потому что кит выше людей. Он мудрее.

– Да, конечно... китов очень жаль. Но... к чему ты все это? – с недоумением спросила Вика.

Роман снова отвернулся к окну.

– Я смотрю на эти дома с магазинами, на эти машины, людей, которые мельтешат перед глазами, – чуть слышно произнес он. – А вместо всего этого... вижу воду. Вместо домов –

подводные скалы. Вместо магазинов с их надоедливymi вывесками – светящиеся кораллы. Вместо машин и людей я вижу рыб. Теперь понимаешь?

– Не очень, – призналась Вика, с тревогой следя за приятелем.

– Мне кажется, до меня начинает доходить, что чувствует кит, когда он принял решение плыть к берегу. Плыть, не сворачивая с курса. Плыть к суше, невзирая ни на что. А иногда мне даже чудится, что этот кит – я.

Пока Вика, ошарашенная словами юноши, переваривала сказанное, парень, спохватившись, пихнул ее в бок:

– Вылезай. Нам выходить.

* * *

Пока Роман разувался в прихожей, в коридор выглянула Ольга Борисовна.

– Ой, Ромочка! А я уж тебя заждалась, – напряженно улыбнувшись, сказала она. Шагнула вперед, чтобы поцеловать сына, но тот окинул ее хмурым взглядом, и женщина замерла, словно наткнувшись на невидимую стенку.

– Эти ваши гости... ушли? – неприветливым тоном спросил он, и мама торопливо закивала.

– Рома, может, покушаешь? Там еще рыбка осталась, семга. С картошечкой. От ужина осталось...

– Сами жрите свою картошечку, – пробормотал под нос Роман, направляясь к себе в комнату.

Мама выдавила жалкую улыбку:

– Что-что?

– Ничего.

Юноша уже потянулся к дверной ручке, как Ольга Борисовна вдруг сказала:

– Сынок, ты извини... у тебя там дети лазили, небольшой беспорядок устроили. Прости, я еще не успела убрать.

Роман почувствовал, как к вискам горячей волной прилила кровь.

– Дети лазили? – хрипло переспросил он. – А ты что, пустила их в мою комнату?!

– Это Вадим Сергеевич разрешил. Ты же знаешь, с ним тяжело спорить. Ну и вообще, где же им играть еще? – оправдываясь, произнесла мама. – У нас в спальне?

Она сказала что-то еще, но Роман уже стремительно открыл дверь, войдя внутрь. И тут же остановился как вкопанный.

По комнате словно пронеслось цунами. На полу в кучу свалены вещи из шкафа, словно их готовили к массовой стирке, но в последний момент передумали, а сложить обратно не успели. Стул, на котором он сидел за компьютером, опрокинут. Монитор и клавиатура заляпаны чем-то липко-оранжевым, и Роман не сразу понял, что это фруктовый сок. На диване лежали две вазочки с остатками растаявшего мороженого. Полуоторванная занавеска, также перепачканная пятнами сладкого лакомства, болталась, словно половая тряпка на швабре. На обоях пестрели неуклюжие рисунки детских рожиц, грузовиков, домиков и еще какой-то ерунды. Рядом же бесцеремонно валялись улики – цветные маркеры, причем многие из них были без колпачков.

Оцепенелый взгляд Романа остановился на обломках моделей коллекционных самолетиков. С самого детства, начиная с семи лет, он собственноручно склеивал их, аккуратно расставляя на полке, которую специально освободил от книг. К пятнадцати годам у него был самый настоящий аэродром, и каждую из моделей Роман знал наперечет, относясь к ним как к лучшим друзьям. Когда дело касалось уборки, он сам заботливо протирал с них пыль, не подпуская к этой ответственной работе маму...

Теперь все его богатство валялось на столе и на полу, словно никому не нужный хлам. Большинство самолетиков были варварски изувечены – у многих отсутствовали крылья, у кого-то хвосты, какой-то самолет лишился пропеллера, какой-то – шасси, а у этих трех вообще разломали кабины и выковыряли летчиков...

«Их, наверное, сталкивали друг с другом в воздухе. Проверяли, какой из них крепче окажется».

Эта преисполненная болью мысль сверкнула в мозгу Романа, пока он неотрывно смотрел на останки своей коллекции. Чувство горечи быстро вытеснила ярость. И если царивший в комнате кавардак можно было бы если не простить, то хотя бы понять (ясное дело, дети все же), то разгром его коллекции, которую он с трепетом собирал столько лет, все его естество понять отказывалось наотрез. Более того, если бы сейчас ему попались эти два малолетних придурка, он с наслаждением столкнул бы их лбами. Так, как они это делали с его любимыми самолетиками... А еще лучше дать сочного пендаля отчиму – ведь это из-за него все произошло!

– Сынок, – позвала мама, и Роман обернулся, гневно сверкнув глазами.

– Извини их, – виновато произнесла она. – Они ведь маленькие...

– Ты не должна была пускать их в комнату! – крикнул парень. Его душили слезы отчаяния и глухой, неконтролируемой ненависти. – Почему вы не следили, что они тут вытворяли?!

– Ромочка...

– Где они?!

– Они все уехали домой. Вадим Сергеевич вызвал такси, – зачем-то добавила мама. – Может, твои самолеты можно починить? Вадим Сергеевич просил оставить тебе деньги. Клей купить, или еще что...

С этими словами женщина протянула Роману две купюры по тысяче рублей, и тот уставился на них, будто его просили подержать дохлую жабу.

– На хрен твоего Вадима Сергеевича, – сквозь зубы проговорил юноша. Выхватив у матери деньги, он порвал их на несколько частей и, смяв обрывки, бросил на пол. – Вот так вот!

На лбу мамы появились глубокие морщины, и она покачала головой.

– Зачем ты так, – прошептала она. – Зачем?

– Уходи, – приказал Роман, буквально вытолкнув мать из комнаты. – Я ненавижу вас!

После этого он плюхнулся на диван и, взяв в руки заляпанную мороженым вазочку, вдруг с силой швырнул ее в стену, туда, где вяло колыбалась занавеска. Ударившись об батарею, стеклянная посуда разлетелась вдребезги. В его потухшем взгляде отражался подернутый тиной пруд с застояло-черной водой.

Наконец Роман поднялся, потянувшись за стулом. Поставив его на место, он принялся бережно собирать обломки самолетиков. Сложив их на полку, парень решил поправить занавеску, но как только приблизился к окну, тут же наступил на осколок стекла. Выругавшись, Роман плюхнулся на стул. Снял носок, и им же вытер выступившую из небольшой ранки кровь.

«Сам виноват, придурок», – с тоской подумал юноша, оглядывая захламленный пол, на котором тускло поблескивали рассыпавшиеся осколки.

Вздыхнув, Роман включил компьютер. В появившемся окошке набрал пароль, после чего принялся с нетерпением ждать, когда загрузятся все необходимые программы. Пока шел этот неспешный процесс, он почему-то вспомнил коленки Вики – грязные, покрытые засохшими разводами крови.

Кровь...

Наверное, это ужасно больно – вот так, на полной скорости грохнуться без «защиты» на шершавый асфальт... А если лицом?

Роман даже поморщился. Его разыгравшееся воображение мгновенно нарисовало картину – вот Вика как ни в чем ни бывало едет на роликах, ветер весело треплет ее золотистые волосы, она улыбается, вдыхая полной грудью воздух. Она ни о чем таком серьезном не думает

(наверное), и ее мозг забит девчачьей ерундой вроде новых колготок, предстоящей дискотекой, или она мечтает о мальчишке из параллельного класса. Она несется по перекрестку на зеленый свет, но неожиданно на проезжую часть вылетает грузовик. Мощнейший удар, и юное тело девушки отлетает на несколько метров, как пластмассовая кукла, теперь уже сломанная и никому не нужная.

И все.

Больше никаких роликов. Никаких гуляний и походов в кино.

Она не наденет праздничного платья на свой выпускной вечер. И она не выйдет замуж, не родит детей... Список можно продолжать до бесконечности.

Роман зябко повел плечами, ему стало не по себе от собственных мыслей.

«Зайди на сайт, – внезапно шепнул ему внутренний голос, и парень чуть не вздрогнул. – Тот самый, куда тебя пригласила Мэлори...»

Точно, новая группа. Еще утром Роману пришла ссылка от Мэлори, и, пройдя по ней, он зарегистрировался на новом сайте, именуемом «Забытые Богом». И по сравнению с «Затишьем», в котором, собственно, он в свое время познакомился с Мэлори, новый ресурс отличался от предыдущего самым кардинальным образом.

Дизайн главной страницы сайта был выполнен в виде морской глади, которую изредка пересекали громадные плавники китов. По мере нахождения на сайте океан приходил в волнение, громадные туши китов одна за другой выпрыгивали из глубин и тяжело падали обратно, поднимая тучи брызг. Небо быстро темнело, сверкали молнии, начинался ливень, и вот уже это не просто волны, а самый настоящий шторм. Сквозь раскаты грома время от времени слышался пронзительный крик кита, выпрыгнувшего из воды. Секунда – и буря тут прекращалась. И так по кругу.

Когда компьютер полностью загрузился, Роман щелкнул «мышью» по ярлыку сайта, и перед ним вспыхнуло новое окошко, требующее пароль. Набрав нужную комбинацию цифр и букв, парень нажал «Enter».

Мэлори была онлайн.

В этом сообществе у нее была новая аватарка, и, если честно, от ее вида Романа слегка кидало в дрожь – торчащая из болотной жижи голова куклы, из пустых глазниц которой струились ручейки крови. Статус Мэлори гласил:

«Дети не знают, откуда появляются люди, а взрослые – для чего. К. Мелихан».

Послышался чуть слышный звук упавшей капельки – сигнал поступившего сообщения от его виртуальной подруги.

«Привет».

«Добрый вечер. Рад тебя видеть», – торопливо щелкая клавишами, ответил Роман.

«Чем занят?»

Из груди юноши вырвался глубокий вздох. Он с тоской обвел взором разгромленную комнату, после чего написал:

«Все то же. Как же меня предки задолбали!»

«А я сегодня пью».

«В честь чего?» – поинтересовался Роман.

«У моего Микки день рождения. Сегодня бы ему исполнилось семнадцать».

Он наморщил лоб.

Микки... Вероятно, это тот самый приятель Мэлори, который умер.

«Я так понял, что этот человек очень дорог тебе?» – спросил он.

«Он понимал меня. Как никто другой. А насчет того, дорог мне кто-то или нет... Наверное, нет. Я не верю в любовь, да и вообще в чувства, – замерцали перед лицом Романа строчки ответа. – Любви нет. Есть одержимость, когда ты готов на подвиг... Потом это проходит, наступает забвение. И ты начинаешь ненавидеть человека, которого вчера был готов носить на руках.

Чувства переменчивы. Они как флажок на крыше дома. Куда ветер подует, туда флажок и крутится. Люди – просто капризные дети, эгоисты. Они не умеют любить. Но при этом требуют к себе повышенного внимания».

«Что случилось с твоим Микки?» – снова задал вопрос Роман.

«Ты уверен, что хочешь знать ответ?»

«Конечно!»

Несколько минут Мэлори молчала, затем послышались характерные звуки капелек:

«Он у меня до сих пор в друзьях. Можешь зайти».

Роман зашел на страницу девушки, навел курсор мыши на раздел «друзья», шелкнул и сразу же увидел окошко с ником Микки. Войдя на личную страницу парня, он тут же наткнулся на странную фразу в его статусе:

«Самоубийство – такое проявление слабости, которое чаще наблюдается у сильных людей. Эдуард Севрус».

С аватарки на Романа смотрел светловолосый юноша. Он был загорелым, с правильными чертами лица, его темно-зеленые глаза глядели с насмешливым прищуром. Фотография была помечена траурной полоской.

«Наверняка от девчонок отбоя не было», – почему-то решил Роман, и эта мысль повергла его в еще большее уныние. У этого Микки хоть была своя Мэлори, пусть и виртуальная... А он? Кому он нужен? Даже свою коллекцию самолетиков сберечь не смог!

Он рассеянно полистал фотоальбом молодого человека. Несколько детских фото, пару из юности – и все. При этом Роман обратил внимание на комментарии к основной фотографии Микки.

«Плыви спокойно, брат», – написал год назад участник группы под ником Назгул.

«Он теперь в космическом море, и ему хорошо», – вторила ему некая Теракома.

Роман пожал плечами. Скучная информация на странице Микки не давала сколь-нибудь вразумительного объяснения, почему этот пышущий здоровьем парень так рано ушел из жизни.

Мэлори словно читала его мысли. Потому что, как только Роман собрался задать ей вопрос о причинах смерти Микки, ему тут же пришло письмо:

«Вся его жизнь напоминала нескончаемую войну. Когда я общалась с ним, я все время вспоминала стаю волков, которых охотники загнали в засаду. И кольцо постепенно сжимается. Вокруг лай псов и ошестинившиеся стволы ружей. Выхода два. Первый – пытаться прорваться, второй – покориться судьбе и тупо ждать смерти. То есть смерть в любом случае.

Мать Микки умерла, когда он был еще маленьким. Вскоре его отец признался, что он был усыновлен, а потом привел домой другую женщину. Когда Микки исполнилось пятнадцать, он нашел своих настоящих родителей. К тому времени они окончательно спились и даже не пустили его на порог. Во дворе группа недоносков постоянно требовала с других пацанов деньги. Микки отказался платить, из-за чего он постоянно дрался. И хотя он был крепким парнем, их было больше, и он постоянно ходил в синяках и ссадинах. Однажды ему сломали руку и прижгли кожу окурками. Его часто выгоняли из дома, и он ночевал у меня в подъезде. И при этом он всегда оставался классным парнем. Он находил возможность приводить себя в порядок в любой ситуации и выглядел на все сто. За ним ухлестывала одна девка, старше его на год, и все это знали в школе. Но Микки не обращал на нее внимания. Тогда она затаила обиду, а в отместку накатала на него заяву, что он пытался ее изнасиловать. А сама себе рожу ногтями расковыряла. В результате Микки поставили на учет в ментовку и выкинули из школы. От него отвернулись все. Были даже такие, что разместили в Инете инфу, что Микки – латентный гей, скрытый то есть. Выложили фотки, которые заранее прогнали через фотошоп. Я-то все знаю, но кто будет влезать в детали? Дураков кругом много. В такой ситуации достаточно крикнуть «фас», и травля началась...»

«И... чем все закончилось?» – с замиранием сердца спросил Роман. Он буквально каждой порой кожи чувствовал, что сейчас узнает нечто страшное.

«Он пришел 1 сентября в школу. В ту самую, из которой его исключили. Раньше всех, за полтора часа. Вышел на середину площадки, где должны были собираться классы, и вогнал себе нож в живот».

«Нож в живот?» – переспросил потрясенный Роман.

«Он увлекался Востоком. В свое время даже занимался единоборствами. Он почитал самураев... и умер, как самурай. Представляешь, на восемь утра запланирована торжественная линейка, а посреди площадки мертвое тело в луже крови. Ту шлюху, что клеветала на Микки, чуть удар не хватил. Ей даже «Скорую» вызвали. Поделом твари. Кровь быстро песком засыпали, но линейка все равно была сорвана. Директриса стоит, что-то пытается лепетать, а губы трясутся. И сама как зомби, взгляд будто магнитом тянется к тому месту, где Микки лежал... Вот так».

«Откуда ты знаешь такие подробности?!» – изумился Роман.

После небольшой паузы ему «капнул» ответ:

«Потому что я была там».

Роман вздрогнул, словно прямо из экрана монитора, как в фильме ужасов, к его горлу потянулась костлявая рука.

«Зачем???»

«Микки хотел этого».

Юноша ровным счетом ничего не понимал.

Как? Почему?!

«Можешь погуглить эту историю в Инете. Я говорю правду», – между тем сообщила Мэлори.

Роман вытер вспотевший лоб, принявшись набивать текст. Пальцы почему-то стали непослушными, и почти в каждом слове он делал ошибки.

«Почему ты не ответила ему? Ты ведь знала, что он хочет убить себя?»

Ответ не заставил себя долго ждать.

«ПОТОМУ ЧТО ЭТО ЕГО ВЫБОР!!!» – прочел оторопевший Роман. Ему казалось, что буквально каждая буква, отпечатанная с помощью клавиши «CapsLock», дышала всепоглощающей яростью, дикой и необузданной.

«ПОТОМУ ЧТО ОН САМ ТАК РЕШИЛ!!! В ЭТОМ И ОТЛИЧИЕ НАС ОТ ВОЛКОВ, КОТОРЫХ В ИТОГЕ ВСЕХ ПЕРЕСТРЕЛЯЛИ КАК БЕШЕНЫХ СОБАК!!! ОН НЕ СТАЛ ЖДАТЬ ОХОТНИКОВ!!! ОН ПРИНЯЛ ДЛЯ СЕБЯ РЕШЕНИЕ, И Я УВАЖАЮ ЭТОТ ВЫБОР!!! ПОНЯЛ, НАКОНЕЦ??!»

Роман испуганно моргнул.

«Я не хотел тебя обидеть».

«Ты меня не обидел, – после непродолжительной паузы отозвалась Мэлори. – Я вообще перестала на что-либо реагировать. У меня, по сути, нет эмоций. Я просто принимаю или не принимаю ситуацию. Если я почувствую, что мне больше некомфортно с тобой, мы просто распрощаемся».

«Я бы не хотел этого», – написал Роман, в душе проклиная себя за то, что так зацепил ее своим вопросом. Но кто знал, что Мэлори так взбеленится?!

«Все в порядке. Просто я хочу, чтобы ты уяснил для себя простую вещь. Те, кто говорит, что суицидники слабаки и трусы, – непроходимые тупицы. Тупицы и уроды. Это далеко не просто сделать. Ты даже представить себе не можешь, что происходит у человека внутри, когда он медленно, шаг за шагом, приближается к мысли, что он уже у края. Что это – его единственный выход.

Просто подумай, что перед ним чаша весов. На одной – все. Все в полном смысле слова. Семья, учеба, работа, пьянки-гулянки, спорт, друзья, любовницы и прочее. А теперь представь, что все это начинает чернеть и вонять, как протухшее мясо. Нет ничего. Ни семьи. Ни работы. Ни друзей. НИЧЕГО! НЕТ НИЧЕГО!!! А на другой чаше весов – могильный крест, на котором твоя дата рождения. Другой даты нет. Но ты сам ее можешь вписать. А крохотная черточка между этими датами и есть твоя жизнь. Понял теперь, что мы собой представляем?! Просто одна чуть заметная, долбаная черточка... И этот крест неумолимо тянет вниз. Он перевешивает ту чашу, где все давно сгнило и превратилось в тлен. Ты вряд ли можешь себе даже представить такое...»

И в этот момент, прежде чем мозг Романа успел проанализировать слова своей собеседницы, его пальцы непроизвольно отстучали короткий ответ:

«Могу».

«Ты думал об этом?» – тут же оживилась Мэлори.

«Да. И очень часто».

Роман перечитал последнее послание, чувствуя, как на его руках волоски поднялись дыбом. Ему с трудом верилось в написанное им самим же.

«А ведь это так», – снова прошелестел в его мозгу чей-то чужой голос, и юноша внезапно ощутил странное умиротворение. Как будто он с наслаждением опустил в теплую ванну после долгого пребывания на морозе.

«Кстати, Отверженный тоже сейчас в море», – вдруг сообщила девушка.

«Отверженный?» – не понял Роман.

«Он у меня в друзьях. Его предала девушка, ради которой он был готов на все. Она была старше его на шесть лет. Он узнал, когда и как будет проходить свадьба. Когда вся эта тусовка прибыла на Воробьевы горы, он вылил на себя бутылку с бензином и поджег. Никто не бросился спасать его, некоторые даже достали мобильники и снимали происходящее. Невеста упала в обморок».

Роман ощутил, как в глотке застрял сухой комок.

«Отверженного доставили в больницу, где он умер на следующий день, не приходя в сознание».

Парень уставился в окно. На иссиня-черном небе мерцал бледно-желтый полумесяц.

Смог бы он пойти на такое?!

– Нет, – хрипло проговорил он вслух. – Ножом по венам... еще куда ни шло... А вот поджечь себя – нет.

«Зато как эффектно!» – неожиданно проснулся внутренний голос. – Как он отомстил им! Вообрази, какой подарок им устроил на свадьбу этот смелый парень Отверженный! Как ты думаешь, будут ли молодожены счастливы после *такого* сюрприза?!»

– Я не знаю, – прошептал Роман с отрешенным видом. Он повернул голову на экран. В друзьях у Мэлори, кроме него, числилось еще два друга, некие Кельт и Бусинка. На аватарке первого был изображен некий замысловатый узор, напоминающий переплетенных змей. У Бусинки – бледное женское лицо, по щеке которого слеза чертила блестящую дорожку.

Лоб юноши прорезали морщины – он начал кое-что понимать.

«Мэлори, у твоих друзей, которых больше нет, на аватарках обычные фотки. Ну, то есть их лица. У всех остальных – картинки. Это что-то означает?»

«В этой группе есть модератор. После того как чел «выпиливается», он ставит на его аватарку его реальное фото. Самое лучшее. А те, кто еще в обойме... То есть живые. Нет разницы, хочешь – ставь живую фотку. Можешь вообще разместить тыкву хеллоуиновскую...»

Роман мысленно повторил про себя слово, которое использовала Мэлори. «Выпиливаться»... Бр-р-р... как будто напильником по зубам прошлись!

«А откуда у модератора есть фото участников группы?!» – осведомился он.

«Они сами ему отправляют свои фотки, – последовал ответ. – У тебя есть хорошее фото?»

Роман застыл над клавиатурой, словно ведьма над чаном с кипящим зельем.

«Зачем ей мое фото?! Зачем?!» – запульсировало в мозгу.

«Не бойся. Я это так, для себя...» – написала Мэлори.

«И все равно. Зачем модератор это делает?» – не отставал парень.

«Потому что после того, как ты улетаешь в небеса, к тебе возвращается твое настоящее лицо. В жизни все мы лицемеры, – пояснила его собеседница. – Вон у Отверженного всегда пламя было на аватарке. Это значит, что у него постоянно в груди бушевал пожар. У Бусинки – всякие слезливо-сопливые темы. Девчонка три раза в психушке была. Я ее руки видела – ни одного живого места, кожа от любого неосторожного движения ползет, как мокрая бумага... А когда ты попадаешь в море... все маски слетают. И ты очищаешься...»

«В море», – про себя повторил Роман слова Мэлори. Он вспомнил сегодняшний разговор с Викой в автобусе, и нервная дрожь, появившаяся после истории о Микки, отступила.

«Я кит. И я найду свое море», – подумал он.

Юноша снова зашел на страницу к Кельту. Только сейчас он обратил внимание на странный значок в верхнем правом углу странички – часы. Обычные электронные часы.

– Да, вот только они бредятину какую-то показывают, – пробормотал Роман, заметив одну странность. Действительно, часы шли в обратном направлении. И, судя по всему, до полного обнуления цифр оставалось три дня и несколько часов.

Он облизал пересохшие губы.

Эти жутковатые часы, которые с механическим хладнокровием отбивали обратный счет, пожирая секунду за секундой, гипнотизировали его. И они могли означать только одно. Что как только на циферблате останется ноль, то...

«Что?!»

Он даже боялся представить, что произойдет дальше, хотя мысли, одна комшарнее другой, наползали друг на друга, словно отвратительные рептилии, тихо шурша своей морщинистой кожей.

Роман ощутил, как заныла ранка на ступне, которую он поранил осколком разбитой вазы.

На странице Кельта был размещен видеоролик, и он включил воспроизведение. На видео был пожилой человек на пляже.

Заиграла медленная печальная музыка. Вокруг сумерки, мужчина неподвижно стоял, устремив взор на безбрежный океан. Неожиданно из воды появляется громадное тело кита. Медленно взмыв прямо в воздух, он поплыл к человеку. Тот молча глядел на морского исполина, который бесшумно парил вокруг него. Графика ролика была потрясающей, можно было разглядеть каждую складку и царапинку млекопитающего... Роман смотрел словно завороченный, позабыв обо всем на свете.

Комментариев к ролику не было, и он решил, что будет первым, оставив отзыв. Мол, что это видео располагает к неоднозначным размышлениям.

Однако когда он нажал клавишу «оставить комментарий», на экране выскочило предупреждающее окошко:

«Этот пользователь ограничил круг лиц, которые могут оставлять комментарии на его странице».

Роман обескураженно почесал затылок.

Ну и ладно. Ограничил так ограничил.

От Мэлори «булькнуло» очередное письмо.

«Ты еще здесь?»

«Да. Почему я не могу ничего написать Кельту?»

«Зачем? – удивилась Мэлори. – Ты его друг?»

«Нет. Просто спросил».

«Значит, он не хочет получать от других сообщения. Может, он желает побыть наедине с самим собой. И вообще, может, его уже тошнит от так называемых друзей!»

Собравшись с духом, Роман написал:

«А что у него за странные часы? Идут в обратную сторону».

На этот раз Мэлори замолчала надолго, хотя ее статус подтверждал, что девушка находилась в Сети.

«Я думала, ты догадался, – наконец сообщила она. – Он готовится к своему последнему заплыву».

У Романа перехватило дыхание.

«Он хочет умереть?»

– Скажи, что это ошибка, – шепло проговорил он вслух. – Мэлори, пожалуйста. Скажи, что это дурацкая шутка. Все это – шутка. Все эти клички, траурные рамки. Истории про хакири на школьной площадке. Самосожжение. Только скажи, и я вздохну. А потом засмеюсь. И тогда мы продолжим разговор. Потому что это, конечно, жутко интересно. Потому...

Он осекся, увидев новое письмо.

«Да», – только и написала Мэлори.

Не сводя расширенных глаз с экрана, Роман дернулся назад. Стул зацепился роликом за край ковра и под весом юноши резко накренился в сторону. Потеряв равновесие, Роман грохнулся на пол. Вскочил на ноги, испуганный, взъерошенный, с бледным лицом и выпученными глазами. Только в последнее мгновение юноша подавил рвущийся наружу вопль.

«Я напугала тебя?» – спросила Мэлори, поставив в конце предложения подмигивающий смайлик.

Роман ничего не ответил. Он только стоял и смотрел с открытым ртом на вновь появившееся послание:

«Не бойся. Такова наша жизнь – серая и безликая лента. Угасание. Но я открою тебе маленький секрет, Рома. Только при условии, что ты ничего никому не скажешь. Обещаешь?»

Склонившись над клавиатурой, Роман трясущимися руками набрал ответ:

«Обещаю»

«Я не шучу, – предупредила Мэлори. – Все, что тут обсуждается, должно остаться тут. Никто ничего не должен знать. Понял меня? У тебя должны быть везде пароли, которые ты обязан помнить наизусть, а не записывать где ни попадя. Ни твои родители, ни друзья не должны знать, о чем мы разговариваем. Поклянись».

«Клянусь. Никто ничего не узнает», – уверил ее парень. И едва не пошатнулся, увидев ответ.

«У меня тоже скоро будет счетчик. И я уже выбрала себе море. *Мое море*».

Эту ночь он опять не спал.

Чай с чабрецом

Около пяти вечера Павлов заехал домой к Карине.

– Очень хорошо, что ты пришел, – поздоровавшись, сказала она. – Я как раз чай заварила. С чабрецом. Не против?

– Обеими руками за, – ответил адвокат. – Между прочим, в восточной медицине чабрец известен как трава тимьян и обладает многими положительными свойствами.

Помыв руки, он прошел на кухню, где уже хлопотала Карина, выставляя на стол вазочку с пирожными, большую тарелку с горячими блинами, креманки с малиновым вареньем и сметаной.

– А одно из главных достоинств чабреца – отгонять депрессию, – продолжил Артем. – Наверное, не зря древние греки называли этот чай «дыханием жизни».

– Никогда об этом не слышала, – призналась Карина, разливая чай. По уютной кухне тут же поплыл тонкий, ни с чем не сравнимый аромат. – И откуда ты все это знаешь? Прямо копилка знаний!

Павлов пожал плечами и потянулся за пирожным:

– В свободное время я всегда читаю. Скажем так – я не могу без книг. Информационный голод для меня хуже физического.

– В свободное время? – переспросила Карина. – Прости за некорректный вопрос – оно у тебя вообще есть? Ты когда вообще спать успеваешь?

– Успеваю, – улыбнулся Артем. – Ночью, как самый обыкновенный человек. Просто нужно грамотно расставить приоритеты. И поступательно добиваться своей цели. Шаг за шагом.

Сделав маленький глоток чая, адвокат внимательно посмотрел на женщину:

– Тебе следует поступать так же.

Карина развернула шоколадную конфету и надкусила ее.

– Мне нужно многое переосмыслить, – произнесла она после небольшой паузы. – Не поверишь, но во мне что-то перевернулось после той... ну, после той ночи. Я уже не та, что была еще пару дней назад.

– Несомненно. А еще я бы заметил, что выглядишь посвежевшей, – сказал Артем.

Карина тихо засмеялась.

– Спасибо за комплимент. Я выгляжу настолько хорошо, насколько хорошо может выглядеть привидение.

– Перестань. Лучше перейдем к нашим делам. Ты звонила насчет работы?

– Да, спасибо тебе огромное! – сказала Карина, и ее глаза засветились благодарностью. – Резюме отправила, завтра ждут в кадрах! Я волнуюсь, тебе даже не передать!

– Все будет хорошо, – мягко произнес Артем. – Но прежде чем ты выйдешь на работу, мы должны решить вопрос с твоим долгом по квартире.

Взгляд Карины мгновенно потускнел.

– Сегодня опять утром звонили. Сказали, мол, когда по улице будешь идти, оборачивайся.

– Я подготовил жалобы на этих «деятелей», – сообщил Павлов. – Но в полицию должна обратиться именно ты. С этого момента, если кто-то посмеет у тебя потребовать деньги, немедленно зови на помощь или звони в полицию. На телефонные звонки не реагируй.

Видя, что по лицу Карины скользнула тень нерешительности, он прибавил:

– Не бойся, я буду рядом. Потом тебе нужно появиться в банке, помнишь?

Карина кивнула.

– Переговорим с кредитным экспертом, – сказал Павлов. – Уверен, что мы придем к компромиссу. Тем более что у тебя не сегодня завтра появится работа и ты сможешь погашать свой долг.

Он отодвинул от себя пустую чашку.

– Благодарю, что не дала умереть с голоду. Чай замечательный, а пирожные так вообще вне всякой конкуренции!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.